

Санкт-Петербургский государственный университет

СОКОЛОВА Дарья Сергеевна

Выпускная квалификационная работа

Проблемы современной антиутопии (повесть «Без пятнадцати начало»)

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа: ВМ.5858.2021 «Литературное
творчество»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра русского языка
кандидат филологических наук,
Двинятин Фёдор Никитич

Рецензент:
кандидат филологических наук,
заведующая редакцией классической
литературы в издательстве «Азбука-
Аттикус»
Степанова Алла Сергеевна

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава 1: Теоретическое введение	6
1.1. Определение жанра «антиутопия» и основные характеристики	6
1.2. Проблемы современной антиутопии	10
1.3. Повесть «Без пятнадцати начало». Сюжет, проблематика, характерные черты антиутопии.	13
Глава 2: повесть «Без пятнадцати начало»	19
ЧАСТЬ 2	19
Глава 15.....	19
Глава 14.....	22
Глава 13.....	26
Глава 12.....	36
Глава 11.....	41
Глава 10.....	47
Глава 9	55
Глава 8	61
Глава 7	68
Глава 6	75
Глава 5	75
ЧАСТЬ 1	82
Глава 4	82
Глава 3	85
Глава 2	89
Глава 1	90
Заключение	93
Список использованной художественной литературы	94
Список использованной научной литературы	95

Введение

Жанр антиутопии зарождается в первой половине XX века, и его появление связано с историческими событиями и развитием утопии. Стремления к новому счастливому будущему приводят к необратимым последствиям. Революции, войны ввели общество в кризисное положение, в связи с чем идеальные представления о мире ставятся под сомнение. Благие цели оборачиваются катастрофой для человечества. В связи с чем общество начинает переосмысливать будущее. Надежды на утопический мир не оправдываются, и человечество, оказавшись в новых условиях, начинает искать ответы. Что будет с миром, который погружен в кризис и хаос? Как будет развиваться цивилизация после окончания войн? Куда приведет научно-технический прогресс общество? Литература пытается ответить на эти вопросы, и так появляется новый литературный жанр.

Самыми известными антиутопиями того времени становятся романы: Е. Замятина «Мы» (1920 г.), Дж. Оруэлла «1984» (1949 г.), О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932 г.), В. Набокова «Приглашение на казнь» (1938 г.), Э. Берджесса «Заводной апельсин» (1962 г.) и другие.

В современном мире антиутопия по-прежнему остается одним из популярных жанров. В XXI веках авторами поднимаются актуальные проблемы общества, и в это время написаны такие произведения, как «Кысь» (2000 г.) Т. Толстой, «День опричника» (2006 г.) В. Сорокина, «Облачный атлас» (2004 г.) Д. Митчелла, «2017» (2020 г.) О. Славниковой и многие другие.

Современные авторы пытаются ответить на актуальные проблемы общества: развитие научных технологий, изменение в социально-политическом строе, экономике и другие. Все чаще писатели смешивают и объединяют несколько жанров в своих произведениях, углубляются в личность персонажей, увеличивая их качественные характеристики.

Жанр антиутопии по-прежнему остается один из самых популярных в наше время, но каким изменениям он подвержен? В каком направлении

следует двигаться современным авторам? Как будет эволюционировать современная антиутопия и какие проблемы перед собой ставить? На эти вопросы предстоит ответить.

Актуальность работы обусловлена проблемами, которые стоят перед современной антиутопией в русской литературе, и их реализацией в произведениях современных авторов.

Тема данной магистерской выпускной квалификационной работы – «Проблемы современной антиутопии (повесть «Без пятнадцати начало»).

Научная новизна данной работы заключается в изучении актуальных проблем современной русской антиутопии и их реализация на примере самостоятельно написанного произведения – повести «Без пятнадцати начало».

Материалом для исследования стали антиутопические произведения современных русскоязычных авторов, а также повесть «Без пятнадцати начало».

Объектом исследования является художественный текст «Без пятнадцати начало» и другие произведения.

Предмет исследования – анализ проблем современной антиутопии в произведениях современных русскоязычных писателей, а также повести «Без пятнадцати начало».

Теоретической базой для данной работы послужили результаты исследований в области проблематики антиутопических произведений и отдельных писателей-антиутопистов, таких исследователей как С. Шишкина, Т. Маркова, О. Лазаренко, Б. Ланин, О. Николенко, М. Липовецкий, А. Тимофеева и многих других. Среди зарубежных исследований следует отметить работы Г. Морсона, А. Петруччани и другие.

Основной целью данной работы является выявление проблем, характерных для современных произведений в жанре антиутопии, их анализ и возможные варианты решения на примере повести «Без пятнадцати начало».

Исходя из поставленной цели, были определены следующие задачи:

- определить основные характерные черты жанра антиутопии;
- исследовать основных представителей жанра современной русской антиутопии;
- определить главные проблемы жанра;
- проанализировать повесть «Без пятнадцати начало» на основе характеристик и проблем жанра антиутопии.

При написании выпускной квалификационной работы нами использованы следующие **методы**:

- анализ научных источников и литературы;
- сопоставление художественного текста с исследовательской литературой.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав – теоретической и самостоятельно написанное произведение художественного текста, а также заключения и списка литератур.

Глава 1: Теоретическое введение

1.1. Определение жанра «антиутопия» и основные характеристики

Термин «антиутопия» (от греческих слов «anti» - «против» и «utopos» - «место, которого нет»¹) был введён английским философом и экономистом Джоном Стюартом Миллом в 1868 году.

Согласно философскому словарю, антиутопия рассматривается в качестве противопоставления утопии, и под социальным содержанием антиутопии понимается убеждение в недостижимости идеального общественного строя, а любое построение справедливого мира оборачивается катастрофическими последствиями².

Однако, существует несколько подходов к интерпретации антиутопии как жанра литературы.

С. Г. Шишкина утверждает, что антиутопия – это «интертекстуальный литературный жанр, дискурс которого отличается своеобразно смоделированным хронотопом и направлен на выяснение соотношений внутри триады «человек – цивилизация – общество» с отрицанием возможности реализации утопических идеалов при условии нарушения баланса и гармонии между социумом и его нравственным наполнением»³.

Другой подход к определению антиутопии рассматривает её в качестве пародии на жанр утопии⁴. Утописты проектируют идеальный мир, в то время как антиутописты рассматривают то, какой ценой дается всеобщее счастье.

¹ Араб-Оглы Э. А. Утопия. / Философский энциклопедический словарь; под ред. Л.Ф. Ильичёва и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с. С. 710 – 711.

² Философский словарь (ФИ) / под ред. И.Т.Фролова. – М.: Политиздат, 1980. – 445 с.

³ Шишкина, С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра [Электронный ресурс] // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. – 2007. – № 2. – Режим доступа: <http://main.isuct.ru/files/publ/vgf/2007/02/199.htm> [дата обращения: 19.03.2023]

⁴ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НКП «Интелвак», 2001. – 1600 с.

В. А. Чаликова утверждает, что антиутопия – это «карикатура на позитивную утопию, произведение, задавшееся целью высмеять и опорочить саму идею совершенства, утопическую установку вообще»⁵.

В рамках этого направления, принято считать, что утопия эволюционирует, и появляется антиутопия, которую впоследствии относят к этому же направлению. Разница заключается в том, что утопия демонстрирует позитивные черты устройства мира, а антиутопия выявляет негативные. Таким образом, антиутопии отличается от утопии точкой зрения автора.

По мнению Э. Я. Баталова «Антиутопия – не просто спор с утопией, это ее принципиальное отрицание. Отрицание самой возможности построения совершенного общества (как реализации идеи социального прогресса), а значит, и желательности ориентации на осуществление утопического идеала, который имел бы общезначимый характер»⁶.

Таким образом, понятия «антиутопия» и «утопия» неразрывно связаны друг с другом, а появлении жанра антиутопии было бы невозможным без эволюции утопии.

Расцвет антиутопии связан с историческими событиями XX века. Главным фактором, оказавшим влияние на формирование данного жанра, считается революция в России. «Революционная борьба, изначально направленная на благие утопические цели, на построение «лучшего будущего», оказалась несостоятельной, поскольку привела к разрушению, террору и возникновению тоталитарного режима».⁷ Общество, разочаровавшись в выстроенных идеалах, начинает переосмысливать ценности. В связи с чем, литература XX в. предпринимает попытку

⁵ Чаликова, В.А. Утопия и утопическое мышление // Антология зарубежной литературы. – М.: Прогресс, 1991. – 409 с.

⁶ Баталов, Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопич. сознании и утопич. экспериментах. - М.: Политиздат, 1989. – 319 с.

⁷ Солобуто Д. С. Антиутопия: эволюция жара и его особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. №3 (858).

разобраться в причинах искажения идеального мира. Появляются такие произведения, как «Мы» Е. Замятина, «Котлован» (1930) А. Платонова.⁸

XIX-XX века считаются новой ступенью в развитии антиутопии и утопии. Жанр «расширяется» и в него добавляются элементы фантастики. Это связано со стремительным развитием научных технологий в этот период⁹.

Таким образом, антиутопические произведения тесно связаны с возникающими историческими социально-общественными проблемами.

Д. С. Солобуто выделяет три основные темы антиутопических произведений:

- 1) взаимодействие человека и враждебного ему общества;
- 2) человек и научно-технический прогресс, противостояние духовного, мыслящего, творческого начала и бездушного, механического мышления;
- 3) человек и государство, которое стремится внедрить человека в систему единого механизма.¹⁰

Утопия стала основной для формирования антиутопических тем, но при этом демонстрирует необратимые последствия для общества, которое решается последовать идеи создания идеального мира.

Ю. А. Латынина отмечает следующие особенности антиутопии по сравнению с утопией:

- утверждение неполноценности утопии;
- сюжетность;
- истины, как характеристика героя, а не мироздания, т. е. становление личности за счет безличной истины;

⁸ Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX в.: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1993.

⁹ Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

¹⁰ Солобуто Д. С. Антиутопия: эволюция жанра и его особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. №3 (858)

- ирония, как способ описания мироздания;
- отрицание индивидуального во имя коллективного;
- порядок, который превращается в хаос, при нарушении правил.¹¹

Б. А. Ланин выделяет следующие характеристики антиутопии:

- страх, как основной механизм создания мира и порядка;
- двойственность эмоций и чувств. Герой может испытывать страх перед властью, но при этом он будет раболепствовать перед ней и восхищаться ею;
- традиции как основа устройства общества, ритуализация жизни, что является причиной создания сюжетного конфликта;
- внутренний конфликт героя-бунтаря;
- аллегоричность;
- фантастика, как прием построения художественного мира;
- «застывшее время»;
- замкнутость пространства;
- антропоцентричность, ориентация на переживания и мировоззрение героев;
- победа устройства государства над героем-бунтарем.¹²

Л. М. Юрьева выделяет также такие характеристики антиутопии, как «повествование в форме дневника», и любовь, как противостояние тоталитаризму.¹³

Вышеперечисленными характеристиками антиутопия не ограничивается, но они являются преобладающими в данном жанре.

¹¹ Латынина Ю. Л. Литературные истоки антиутопического жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

¹² Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX в.: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1993.

¹³ Юрьева, Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. - М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 319 с.

1.2. Проблемы современной антиутопии

В современном мире стремительно развиваются научные технологии, антиутописты невольно становятся футурологами, проектируя мир будущего, мир технологий, что воплощается в реальности с течением времени. В наше время всё чаще человек становится рабом не политического строя, а машин. Информационные технологии стремительно развиваются и становятся главным оружием государства. Появление антиутопических произведений в наше время чаще всего обосновано уже не желанием построить утопический мир с его катастрофическими последствиями, а стремительным научно-техническим прогрессом, который становится главным средством манипуляции у высших структур общества. Кроме того, в связи с «расширением полномочий» технологий природа подвергается уничтожению, возрастает ряд экологических проблем, что тоже находит свое отражение в современной антиутопии.

Актуальные проблемы ставят перед современными антиутопистами новые задачи. Всё чаще писателей поднимают такие темы, как виртуальные миры, технологии, как способ контроля общества, экологические катастрофы.

Рассмотрим подробнее проблемы современной антиутопии на примере романа Т. Толстой «Кысь». Данное произведение выходит за рамки одного жанра и относится к литературе постмодернизма, однако, ему присущи многие черты антиутопии.

Как говорила сама Т. Толстая: «Дело в том, что в каждой культуре сначала имеется фольклор, сказка, потом появляются другие жанры литературы, потом происходит распад жанров, и в какой-то момент наступает ситуация постмодернизма. В «Кыси» все построено по тому же принципу, первая глава построена на фольклорных формулах, стилистика и содержание сказочные, все ещё хорошо, есть золотой век, который был вчера. А где-то к концу происходит полный распад, и в той главе, где он перебирает

книги на своей полке, поставленные по другой системе, это уже постмодернистская ситуация. Мне нужно было еще и эту линию провести».¹⁴

В этой сцене, действительно, хорошо прослеживается одна из главных проблем «Кыся»: новые условия порождают эпоху, которая приходит на смену старой и разрушает её. Язык, преломляясь под воздействием современных лишенных прошлого и души людей, теряет свою метафоричность, слова воспринимаются в прямом значении, смысл искажается и считается неверно. Сказка становится притчей, мифы порождают религиозные мотивы, а литература – афоризмы, не имеющие смысла для современных людей, лишенных своих истоков. Даже когда удается свергнуть власть, устройство мира не меняется, наоборот, культура уничтожается с новой силой, но иными средствами - через казнь прежних.

Таким образом, Т. Толстая в своем произведении поднимает множество актуальных проблем. Важно ли сохранять историю в мире, который уже далек от реалий прошлого? Как построить будущее, теряя связь с прошлым? И каким будущее будет без него? Как восстановить и сохранить культуру в условиях хаоса и катастроф, где человек теряет всякую духовность? Может ли человек сохранять духовность, теряя связь с поколениями?

Т. Толстая также поднимает проблему последствий развития технологий: действие произведения происходит после ядерной катастрофы.

Рассмотрим виды антиутопий с точки зрения технологических катастроф. В нашем обществе регулярно происходят технологические революции, которые сопровождаются глобальными изменениями в системе общества и жизни человека. Литература анализирует эти проблемы с философского-антропологической точки зрения и разделяется на два мнения. Одни отражают положительный эффект технологических революций, другие – негативный. В последнем случае возникают антиутопические произведения.

¹⁴ Толстая Т. Н. Опыт взаимной глухоты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.susi.ru/stol/tolstaya.html> (дата обращения: 20.04.2023).

С. Ф. Денисов и Л. В. Денисова выделяют в истории человечества три главных технологических революции:

1. Машинная. С XVIII в. и до середины XX в. происходит активная замена ручного труда на машинный, в результате которой роль человека в производстве сменилась. Он становится лишь «придатком машин». В это время создаются первые классические антиутопии (Е. Замятин «Мы», О. Хаксли «О дивный новый мир»).

2. Автоматизация и информатизация производства. Данная революция является лишь эволюцией первой. Развитие конвейерного производства привело к полной автоматизации, человека окончательно вытесняют машины. В этот период наступает эпоха неклассической антиутопии (Г. Гаузер «Мозг-гигант»).

3. Развитие биотехнологий. В XXI веке появляются постнеклассические антиутопии, где поднимаются проблемы вмешательства технологий в природу человека, вызванные стремлением к бессмертию («Живущий» А. Старобинец).¹⁵

Каждый из перечисленных видов антиутопий так или иначе поднимает проблему определения места современного человека в мире, где господствуют технологии, актуализируются темы смерти и бессмертия человеческого рода. Несомненно, современная антиутопия не ограничивается данной классификацией, но в рамках нашего исследования было важно осветить последний вид, поскольку проблема вмешательства технологий в природу человека поднимается в повести «Без пятнадцати начало».

Таким образом, мы видим, что современная антиутопия освещает множество проблем с разных точек зрения. Спасение или бегство от тоталитарного режима, утрата духовности в условиях катастрофы, развитие технологий, которые порождают хаос в построении общества, вытесняя

¹⁵ Денисов С. Ф., Денисова Л. В. Художественные антиутопии: типология и философско-антропологические смыслы // Вестник ЧелГУ. 2017. №7

человека, вмешиваясь в его природу и многие другие проблемы современного общества.

Русская и мировая литература всего за двести лет существования жанра антиутопии накопила немало произведений. Возникает вопрос, не исчерпал ли себя жанр антиутопии? Где заканчивается граница антиутопии, как жанра? Что ещё может сказать современный автор? На этот вопрос я попыталась ответить во второй главе данной работы.

1.3. Повесть «Без пятнадцати начало». Сюжет, проблематика, характерные черты антиутопии.

Нами были рассмотрены основные проблемы современных антиутопий. Это и управление обществом посредством технологий, и катастрофы, как причины снижения качества жизни человека и падение его духовного уровня, проблема поиска истины в мире, лишенном духовности, и проблема выживания.

В повести «Без пятнадцати начало» я опиралась на основные мотивы, присущие современным антиутопиям. Действие повести происходит в будущем, а именно в 55 веке. Воздух на планете отравлен после катастрофы, поэтому единственным способом выживания стало внедрение в человека капсул, заполненных чистым воздухом ровно на то количество лет, которое полагается конкретному человеку, созданному искусственным путем. Люди «рождаются» в том возрасте, на который рассчитан объём воздуха в их капсулах, и с годами становятся не старше, а, наоборот, молодеют. Этому миру не нужны ни родители, ни учителя, ни друзья, ни семья. Он погружен в депрессию, грязь, смрад. Ему всё известно, и он существует только ради того, чтобы не умереть.

В геном каждого человека встроена вся информация, которая «всплывает» в голове при запросе. Геном не знает только одного, есть ли где-то ещё чистый воздух. Есть ли где-то ещё Жизнь.

Люди не разговаривают, и лишь изредка обмениваются мыслями с помощью специальных табличек на лбу, поэтому звуки в повести практически отсутствуют. Если же кто-то начинает говорить, то выпускает больше воздуха из капсулы, и, тем самым, приближает свою смерть. Таким образом, Жизнь рождается в смерти.

Пространство искажено восприятием человека антиутопического мира и замкнуто его устройством. Герои идут месяц, но по-прежнему находятся у подножия, за высокими соснами им не видно гор, окна в домах настолько маленькие, что видно только кусочек неба, а знания генома «выдаются» только при запросе.

Героям антиутопии не противостоит государство или кто-то свыше. Кроме того, у них всегда в наличии имеется выбор – в жизненной карте всё просчитано наилучшим образом, в соответствии с будущим, которое всем известно. Люди не могут выбрать только одно – количество отведенных для жизни лет. В мире, в котором они живут, каждый день похож на предыдущий. Тот, кто захочет выбраться из системы, уже обрекает себя на смерть, поскольку любое активное действие требует большего количества кислорода, чем человеку отведено. Система устроена идеально: не обязательно следить за тем, чтобы она работала. Бунтари или «бегуны» «отсеиваются» сами.

Герои повести также не пребывают в неведении, наоборот, им известно всё: прошлое, будущее и даже дата собственной смерти. Одна из причин, по которым главы повести расположены в обратном порядке, заключается именно в этом: читатель тоже заранее знает, когда наступит конец, «смерть» произведения.

В этом мире за людей практически всё делают технологии: холодильник выдает еду, раковина сама включает воду, моет и сушит посуду, ступени сами везут на нужный этаж к двери комнаты или кабинета. Работы для людей почти не осталось, поэтому они ходят туда, чтобы заниматься бессмысленными делами. Подчиненные просто бьют по кнопкам, а начальство только создает проблемы.

Жизнь людей лишена свободы, но не из-за отсутствия знаний, а наоборот. Чем больше они знают, тем меньше истинной свободы им остается. Ведь никому из людей уже не приходится думать, делать тот или иной выбор, последствия которого будут неизвестны. Геном предупреждал Джорджа и Евгения о смерти, которая ожидала у подхода к деревне, геном подсказал Евгению вовремя поднять руки вверх, геном предупреждал о том, что он не должен быть с Гелей. Геном подсказывает, что лучше сказать, почувствовать или подумать. И делает это естественно, так, что никто уже не замечает его действий, только в случае особой опасности. Главный герой – бунтарь. Он старается никогда «не копать» без необходимости в своей жизненной карте, ни заглядывать в чужие, ни узнавать, что его ждёт. Проблема в том, что он даже не понимает, что геном всё равно управляет им.

«Собственные», самостоятельные мысли и чувства приходят к нему только после физического усилия: прогулок по лесу, копанию земли. Поэтому мне хотелось показать, как внутренняя речь Евгения постепенно меняется с движением, усложняясь. Когда он слышит пение «землеродов» – он впервые слышит свою душу. Он встречается с собой и оказывается к этому не готов. С того дня герой всё чаще начинает задаваться экзистенциальными вопросами, но уже ни геном, ни он сам не знают, как на них ответить.

Одна из проблем, которую мне тоже хотелось затронуть в своей повести – это проблема поиска истины. Героям известно, как устроен мир, и как он функционирует. Они могут задать любой вопрос и информация, заложенная в геноме, мгновенно подскажет ответ. Проблема заключается в том, что знания, которые не приходится искать, перестают быть желанными, и потому герои просто не задают вопросы, живут «по инерции», они лишены любопытства ребёнка, поскольку становятся детьми слишком поздно. В их мире не осталось неизлечимых болезней, а нормальным считается человек, подверженный депрессии, а в этом состоянии, как известно, не хочется ни узнавать новое, ни менять мир, ни мечтать о чём-то, кроме собственной смерти. Таким образом, система пытается сохранить стабильность и устойчивость для того, чтобы

сохранить человеческий род. Ей важно, чтобы человек никуда не стремился, не искал истину, потому что при этом он совершает ошибки, которые оборачиваются катастрофой. Поэтому для тех, кто почувствует прилив сил, станет счастливым или опасным для стабильности общества, создан особый центр, откуда их отправляют в экспедицию, у которой имеется две цели: все «счастливчики» идут на поиски чистого воздуха (для новых капсул) и своего собственного пути к страданиям. Каждая из этих целей аллегорична. Первая отсылает к библейским мотивам. Герои страдают, и фактически приносят себя в жертву: они «теряют» свою жизнь, чтобы спасти все остальные. Вторая цель отсылает к произведению Фарид Аттара «Логика птиц»: каждый из участников экспедиции ищет своего «Симурга» («Несомненно, у нас есть Падишах, Он — за горой, называемой Каф. Его имя — Симург»¹⁶), и все вместе они отправляются на поиски истины («Если хочешь что-то узнать – нужны боль и несчастья. Если у тебя болит, ты поймёшь многое сам»¹⁷).

Таким образом, библейские мотивы сплетаются с мифологическими. Каждый раз, когда герой приближается к истине, язык напоминает библейское повествование: эпическое «И», повторы, инверсия, параллелизм. Но только в конце повести, когда Евгений становится младенцем и умирает, он начинает отчетливо слышать голос ребёнка в себе, голос Бога, который всегда был для «выродков» недоступным, поскольку они изначально не имеют своей духовной основы, а главные ценности жизни становятся второстепенными в целях выживания человечества. Это вторая причина, по которой главы следуют в обратном порядке: мир повести «перевернут», а естественную гармонию, её «начала», которые заложены природой в ребенке, люди этого мира обретают только в конце.

В повести также обыгрывается мотив любви, как противостояние тоталитаризму. Главное «оружие» против борьбы с антиутопическим

¹⁶ Аттар, Фарид ад-Дин Мухаммад. Логика птиц. Пер. с персидского. М.: Номос, 2009.

¹⁷ Там же

устройством мира только приводит к новой катастрофе. Мир меняется, но меняется иллюзорно, парадигматически, переходит из одной антиутопии к другой. Ещё одна из причин, по которой вторая часть – первая, а первая – вторая: герои совершают переворот, но мир, не меняясь в своей сути, из-за этого погружается в новые войны, человечество возвращается к тому, что уже происходило в истории, которая циклично повторяется.

В повести время искажено. Оно двухстороннее: время, как таковое, движется вперёд, а жизнь главного героя – назад, и он не «успевает» за ним, как бы высоко не забрался. Ключевые события «проходят» мимо Евгения, он начинает их «замечать» только после, и события шестой главы раскрываются в пятой. Эта третья причина, по которой главы идут в обратном порядке: события Жизни (а не существования) осознаются героем только после того, как произошли, а время для героя идёт в обратную сторону.

Ева – это смерть, которая однозначна по своей сути. Геля – это бесконечность, жизнь. В начале экспедиции Ева шагает слева от героя, а Геля справа. Это отсылка и к учениям Кастанеды («Моя смерть всегда находится рядом со мной, вот здесь. Он вытянул левую руку и пошевелил пальцами, словно что-то поглаживая»¹⁸), и к библейским мотивам («У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая»¹⁹), и к христианским представлениям, согласно которым Ангел-Хранитель находится у человека за правым плечом, а сатана – за левым. Герой находится между жизнью и смертью, и как только он следует за Жизнью – она проходит мимо, исчезает, как время, которое умирает для человека, а на самом деле идёт бесконечно. Смерть же всегда молчит и всё время незаметно следует за героем, до тех пор, пока не придет его время, и тогда она исчезнет вместе с ним.

¹⁸ К. Кастанеда. Путешествие в Икстлан. Перев. с англ. - К: «София», 2003

¹⁹ Евангелие от Матфея, глава 6, стих 3

Таким образом, в антиутопическом мире повести «Без пятнадцати начало» технологии уничтожают сущность человека, «подавляют» его душу. Но хотят ли они при этом зла для него?

Глава 2: повесть «Без пятнадцати начало»

ЧАСТЬ 2

Глава 15

«Что Вас беспокоит?»

«Последнее время я всё меньше и меньше страдаю, мне почти всё нравится в моей жизни».

«Давно это началось?»

«Где-то пару месяцев назад».

«На работе всё плохо?»

«Нет».

«Даже нет проблем с начальством?»

«Есть, конечно, к ним никаких претензий, но я как будто приспособился, знаете...»

«Может, стоит сменить место работы? Где вы сейчас работаете? И какие альтернативные варианты есть в вашей жизненной карте?»

«В БД. В отделе кнопок. Я об этом уже думал, и карту смотрел, но проблема в том, что трудно уходить оттуда, где хорошо».

«Тогда для начала попросите урезать зарплату».

«Уже просил и не один раз. Урезали до прожиточного минимума, но мне много и не надо. Только смотреть на тараканов и видеть красное небо, и уже как-то не одиноко становится и от этого так легко».

«Может, вам завести жену? В вашей карте есть несколько неплохих вариантов».

«Жену мне хотелось завести, чтобы было с кем смотреть на красное небо, но, мне кажется, это не совсем правильный путь к женитьбе, а то получается я выдаю хорошее за плохое и наоборот, понимаете?»

«Конечно. Вы правильно сделали, что ко мне пришли, у вас тяжёлый случай. Я советую вам внимательно посмотреть карту и выбрать самую тяжёлую работу. Пока выпишем вам пару пригрустинов. Если не поможет, приходите ещё».

Лампочка загорелась красным, табличка с мыслями потухла, и я снова остался наедине с собой. После чёрного кабинета врача серые стены коридора показались слишком яркими. Тёмная едва видимая тень следовала справа от меня, выгибаясь на каждом повороте.

Шёл дождь. Тротуары размывало от красных капель. Улицы были пустые, как и всегда. Наверное, если бы меня кто-то увидел, то вызвал бы полицию, но я не беспокоился. Может, мне даже хотелось, чтобы поднялась шумиха из-за такого маленького человека, как я. Капли беззвучно опускались на асфальт спиралью и оседали на земле пузырями, собираясь в красные лужи. Мои ботинки оставляли следы на воде, разъедая гладкую поверхность кругами. По предписанию психолога или уже по привычке я подошел к аптечному автомату, вставил рецепт, и тот срыгнул красную упаковку. Мне стало жаль потревоженного воздуха.

Из моей небольшой квартиры крошечное окошко смотрело сквозь улицы в небо. Я следил, как оно всё сильнее смыкало свои красные брови, до тех пор, пока, вконец измучившись, не заснул.

Проснулся раньше будильника: солнце засветило мне глаза. Я невольно отмахивался руками, будто можно было так просто поменять эту мерзкую погоду на вчерашний красный дождь. Мне снова не здоровилось, и я поскорее поднялся с кровати, чтобы выйти на работу пораньше. Дверь из моей комнаты открылась, ступени заскрипели, задвигались и повезли меня вниз. Охранник на нулевом этаже встретил меня безликой маской. Ему даже не надо было включать экран, я уже знал его мысли.

«С добрым утром, убудодок. Надеюсь, у тебя сегодня будет самый тяжелый день, который только может представить твой маленький мозг».

Я для себя решил, что это женщина, и совершал всё время одну и ту же ошибку. Сдвинул брови, но глаза выдавали след улыбки. Моя спина подогревалась под её-его взглядом, пока не скрылась на ступенях.

Погода действовала угнетающе не только на меня – многие пришли раньше положенного времени и расселись в кабинетах. Сквозь тёмные

полупрозрачные тени, мне виднелись их сторбленные дряблые спины и тонкие нити рук, передвигающие воздух медленными колебаниями. Я доехал до минус девятого этажа, повернул ключ и закрыл за собой дверь. В кабинетах не было света. Между чёрными стенами подсвечивались только разноцветные кнопки. Красные, ализариново-красные, бежевые, зелёные, яблочно-зелёные, изумрудные, салатовые, сиреневые, аметистовые, лавандовые, баклажановые, оранжевые, морковные, жёлтые, лимонные, лаймовые, золотые, жёлто-зеленые, индиго, хаки, нефритовые. Каждой по пять видов: треугольные, прямоугольные, круглые, ромбовидные и квадратные. Мне понадобилось на обучение всего восемь месяцев, некоторым требовалось два года. Я быстро выучил порядок и мог среди ночи сказать, что в понедельник всё начинается с аквамаринной треугольной, за ней – лавандовая прямоугольная, за ней – морковная круглая, за ней - лимонная ромбовидная, и так до восьми вечера. Каждый день недели имеет свой порядок нажатия кнопок. На обучении никто не говорил про конечную цель моей работы, но мне и не приходило в голову спросить – сначала из-за большого объема информации, который нужно было запомнить, а потом не хотелось. Я мог представить, что регулирую дороги или космические спутники, систему воздуха-отвода, возраст ново- или старородившихся, передвигаю ступени между этажами или облака между городами, отправляю жизненные карты на распределение или транслирую новости. Я был королём своего мира, и мне не хотелось, чтобы знание отнимало у меня моё звание. За четыре года работы я научился перемещаться с наименьшей потерей энергии. Кроме того, работал я быстро и почти без ошибок, за что меня часто лишали выходных.

Сегодня – космос, и я, подсвечиваемый пластиковыми ромбовидными, квадратными, треугольными и прямоугольными звёздами, передвигал планеты на нужную млечную колею.

В семь вечера меня вызвали к начальству. Охранник. В конце концов, это ведь его работа – при обнаружении подозрительных лиц вовремя о них

сообщать. Я и сам для себя подозрителен, чего же упрекать остальных - со стороны всегда лучше видно.

Ступени скреблись вверх и поднимали меня по спирали. Минус девятый-вдох, минус восьмой-выдох, минус седьмой-вдох, минус шестой-выдох... Первый этаж запестрил красной дверью, и я сошёл с дистанции. Среди серых стен тёмная дверь напомнила чёрную дыру, я толкнул ручку, закрыл глаза и вошёл.

«Как вы себя чувствуете?»

«Плохо», - почти не соврал я.

«Хорошо», - соврали мне. Все знают, если тебя вызвали к начальству, в этом нет ничего хорошего.

Я пытался сделать рассеянный взгляд, рассматривал пол и застывшие слова, но не смог сдержаться и соскользнул глазами с таблички, подняв их на лицо человека. Это была девушка. Волосы кистями спадали на плечи, щеки выплывали из-под них, словно напузырившиеся лужи красного дождя. Над ними едва виднелись узкие не то карие, не то серые глаза. Мохнатые брови, столкнувшись с моим взглядом, почти сомкнулись, а накаченный воздухом палец указал вниз на слова.

«На вас поступила третья жалоба за этот месяц. К сожалению, мы вынуждены отправить вас в отпуск».

Я не знал, что подумать.

«На сколько?»

«Месяц. С завтрашнего дня».

Глава 14

За рамой окна виднеется лишь маленький квадратик неба. Я перестаю смотреть и вглядываюсь в свою карту.

«Волков Евгений.

Дата рождения: 30.04.5491

Возраст рождения: 56 лет

Количество кислорода: 245,28 млн. л.

Возможная смерть:

1) Во время военных операций с 5526 по 5532 годы.

2) Несчастный случай при выходе на улицу.

3) При не рациональном использовании воздуха (учащенное дыхание, использование голосовых связок): преждевременная смерть от нехватки кислорода.

Особые случаи:

В случае возникновения проблем со здоровьем...

В случае возникновения проблем с жилищными условиями...

В случае возникновения проблем на работе...

В случае возникновения угрозы жизни...

В случае нехватки кислорода...»

И ещё тринадцать «в случае» до «возникновения отпуска».

Буквы на последней строчке были выделены жирным шрифтом и привлекали внимание красным цветом.

«В СЛУЧАЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ОСТРОГО ПРИСТУПА СЧАСТЬЯ ОБРАТИТЬСЯ В “Аттар-центр”. АДРЕС: ул. Горы Каф, д. 1.»

Дальше была нарисована карта. Два часа *пешком* от города через Едкий лес. Значит, четыре часа туда-обратно. Не припомню, чтобы кто-то с сорок пятого века ходил так долго и за всю свою жизнь, кроме беглецов. Жаль было тратить кислород для того, чтобы просто утолить любопытство, а настолько счастливым я себя ещё не чувствовал. Честно говоря, отпуск уже действовал угнетающе.

Ноги уперлись во что-то твёрдое. Моя комната была завалена вещами, я даже не знал, откуда некоторые из них появились. Мне впервые за прожитые четыре года захотелось разложить всё на аккуратные кучки - болезнь не ушла окончательно, но раз делать было больше нечего, я поднялся. Медленный вдох. Тарелка под моими ногами прилипла к носкам. Медленный выдох. Что-

то вязкое продавилось под пальцами. Четыре шага до раковины. Быстрый вдох. Надо рассчитывать точнее. Вода полилась на тарелку. Четыре шага обратно. Медленный выдох. Из кружки выбежал Стасик. Или Володя. Нет, Стасик. У Володи усы короче. Медленный вдох. Четыре шага до раковины. Кружка наполнилась чёрной водой, раковина зажужжала, опрокинула посуду и уронила на сушилку. Теперь можно расчистить дорогу от кровати до раковины. Подушка, покрывало, фантики, коробки от пригрустинов, вилки. Ножи я убирал сразу после того, как проткнул стопу. Это было первый раз, когда я увидел и почувствовал кровь. Она была не такой красной, как дождь, темнее и насыщенней. Гранатовым пятном растекалась по полу длинным тонким ручьем. А потом началось *это*. Стопа загорелась. Она ожила, она кусала моё тело, она говорила с моей грудью. За ребрами что-то забило с молниеносной скоростью, застучало в висках, на шее, под животом, чуть выше пупка. Тысячу иголок одновременно протыкали пятку, красным пятном расплывалась комната. Кислород с учащенной скоростью выходил из раскрывшегося рта. Хриплые звуки эхом пронеслись по комнате. Что-то вырывалось из моего рта, унося годы, а, быть может, и десятилетия моей жизни. Фибриновый клей мгновенно остановил кровь и высушил рану. Моё тело замолчало. Это тёмное пятно так и осталось на полу с тех пор. От одних только воспоминаний что-то снова кололось под рёбрами. Медленный вдох.

Комната вздулась, а кровать схуднула. Тело снова говорило со мной, но уже по-иному, оно тихонько постанывало, разжижая сухожилия. Я лёг и сразу уснул.

Красные иголки впивались в мои руки, тысячу тысяч рук. Стопы уходили под землю и десятки длинных пальцев расходились в стороны. Мой торс вытянулся и стал твёрже. Всё тело было покрыто морщинами, уходившими глубоко под кожу. Я был выше всех зданий. В одном из серых домов в окне горел свет. Высокого роста тощий человек медленно проходил мимо окна в одну и в другую сторону, наклоняясь и разгибаясь. Тонкие натянутые нити вздувались на его руках, когда он поднимал что-то с пола и

снова тащил, будто не посилено тяжелую ношу - его собственное тело. Одежда лохмотьями скользила по его ногам, прилипая к лодыжкам. Волосы нитями спадали на плечи и тянулись ниже до самого пояса. За длинной бородой не было видно узкого, ссохшегося рта. Под густыми бровями прятались стеклянные неизвестного цвета глаза. Тараканы выползали из щелей, пробегали по стенам, стеклу, посуде. Я постучал деревянной рукой в узкое окно. Никогда я ещё не видел такого уроды, и всё-таки его лицо казалось мне знакомым.

Тело разбудило меня. Голове не хватало воздуха. Я потер горло: нужно было расшевелить заснувшую капсулу, но руки стали жидкими и едва слушались меня.

Всё, что я мог делать сейчас, не причиняя себе боли, — это вертеть круги памяти, но вспоминать, кроме кнопок и случая с ножом было нечего. Вдох. Выдох.

Лес. Красные иголки впиваются в пальцы. Древесина прогибается под пальцами. Лужи растекались под пятками. Деревья двигаются, Стричёрт толкает тонкие стволы, приводит их в движение. Что под корой? Я поковырял пальцем висок, но дальше ничего не смог придумать.

«Если хочешь что-то узнать – нужны боль и несчастья. Если у тебя болит, ты поймёшь многое сам», - утверждает мой геном. Утверждает, но ответов не даёт.

Я поднялся. Боль из рук перетекла по всему телу. Дверь раскрыла пасть, а ступени потянули меня вниз. Черная маска не пошевелилась, и я без объяснений вышел на улицу.

Ночь сливалась с улицей. Какая дорога приведет меня к боли и страданиям? Мой психолог мыслит, что ответ на этой вопрос каждый находит для себя сам. Мне гораздо проще найти повод для удивления, а с ним приходит странное наслаждение. Слишком много не знает мой геном. Врач 20045547 утверждает, что с ним всё в порядке, но что-то не так с нейронами четверохолмия. Диагноз: предрасположенность к дромомании. Лечение:

молочная кислота внутримышечно два раза в день. После уборки этой кислоты достаточно накопилось в моем теле, но я всё равно на улице.

«Компьютер не может ошибаться», – мыслит мой психолог, - «ошибается только человек. Вы просто не соблюдали дозировку».

Дождь поскользился по дороге. Красные струи объединялись в одну длинную неровную линию. Мои ноги размазывали воду, а полоса изгибалась, но не останавливалась. Кислота почти перестала давить на мышцы, когда я подошёл к лесу. В висках забился пульс. Я втянул капсулу поглубже и нырнул в темноту, в которой моя тень исчезла.

Я раздвигал ветви наощупь, а те хватили мои волосы. Скрежет, скрип, шорох. Стричёрт? Звуки давили, кружили, били молоточками по ушам. Стричёрт! Воздух уходил из лёгких, по артериям через гортань выходил наружу, умирал среди веток, которые за волосы тянули мою душу из пяток к макушке. Тысячу волосков растягивали кожу, разделяя меня на двое, – на того, что бился руками, ходил и раскрывал рот, и на нечто, что цеплялось за инородное против моей воли.

Лёгкие подпрыгнули в последний раз к вискам. Тело замолчало. Несчастный случай. Недостаток кислорода. Преждевременная смерть. Стричёрт утянул-таки мою душу. Тело сбросило несколько килограммов, и больше ничего не тащило меня за голову. Перед самой смертью я узнал, где найти страдания - в душе. Небо всем весом сквозь ветви упало на глаза и придавило меня. Всё замолчало.

Глава 13

- Вспом, в прош год бы такой ж.
- Не, тот бы младе. Намного.
- Тот, что задохся или удавсья?
- Удавсья.

- Не считается. Три дня – всё рав, что не бы. Он сюда и приш за этим.

- Смотр.

Свет прыгал за веками неровно и неестественно. Заколело в глазах, и мир очнулся. Звонко прыгали буквы, разными голосами, будто не написанные.

- Жив? Испуся?

Маленькие перевернутые набок люди сидели вокруг огня. Подскочило к вискам – «бегуны».

- Пришь отрез ти лохмотья, ты уж извин, а то тя припадок б схвать.

Лбы пустые.

- Не бось, ты не экстрсенс.

Точно. Слышу. Я поднялся, а они перевернулись, стали вертикальными. Загудело под боком - справа, под ребрами – слева.

- Резко не встай. Ту телу, итк, с непривыч досталсь. Держ – стан легче.

Самый звонкий протянул мне металлическую кружку с зелёной жидкостью.

- Глва пройдёт, - понижая голос, проговорил он.

Это не было похоже ни на воду, ни на лимонад. Согревало. Вместе с теплом кровь зашевелилась неторопливо, и мысли притихли.

- Что, хорш без страдний? – сказал тот, у которого голос был потоньше первого. Сказал и со скрипом в несколько выдохов вытолкнул из себя воздух.

«Ему плохо?»

Тут уже все стали извиваться, как припадочные, кто-то даже схватился за живот, и стало страшно, что это так быстро передается от одного к другому.

- Взрослый врод, а совсм как ребёнк.

- Мож, он ток родился, че смеесь?

- Тогда он, наобот, долж ещё помнть, что не остась ни одной болезни, с кот челчество не справись.

- Не счит депрессии, - сказал тонкоголосый, и все снова заскрипели.

Впервые я видел таких молодых людей. Они сидели на земле вокруг костра. Звонкий был самым высоким и худым, но не тощим. Волосы и глаза -

чернее кабинетов. Напротив него обложенный лопухами сидел тонкоголосый с кудрявыми рыжими волосами, с пухлыми щеками и почти треугольной шеей. Несколько человек сидели за костром и было видно только, как плясали по скулам красные тени от огня. Ни от кого не хотелось отворачиваться.

- Ну, поразмысь нам, как ты тут окажся?

- Дай ему на люд посмотри, а то ток лбы, табличк и шлемы ви. Вып ещё,
- опять понизив голос в конце, произнёс звонкий.

Со второго глотка тепло не двигалось, а, как пламя, в которое подкинули дров, разгорелось так, что, казалось, будто щеки раздулись.

«Что это?»

- Чай – сам настоящ! Собран вручну в Едкм лесу!

Чай! Бегуны! Отравили!

- Ты зач чела пуга, потом...

- Про лес не пугась, он умне чела бу, - сказал звонкий, перебивая тонкоголосого и поднимаясь во весь рост, - ес плох бу, он одн тя сбержёт, и никака инфа из то генома те не помож. Запмни.

- Мож, когда-нить ты сможь его разгдать.

До сегодняшнего вечера я ещё не слышал ничьих голосов, но этот не был похож на предыдущие. Он был стройный и высокий, как ствол многолетней ели, мерно покачивающейся под свист Стричёрта. Девушка вышла из-за тени огня и подошла ко мне. У неё были длинные чёрные волосы и одутловатое, почти взрослое лицо.

- Мя зову Ангелина, но все зову мя Гелей.

«Прекрасное дитя, я - Евгений».

Её волосы медленно приподнимались, приоткрывая мочку уха. Мне захотелось потрогать её лицо, пробежаться пальцами по волосам. У неё были глаза такого же цвета, что у человека, которого я видел во сне.

«Какого цвета твои глаза?»

- Мы назваем их цветом ушедш неба, - сказал тонкоголосый и стал раскидывать лопухи. Некоторые не успевали долететь до земли, огонь поглощал их, выдыхая бурый пепел.

Все поднялись, засвистели, затарахтели и застонали. Геля встала вместе с ними и закружилась. Тонкоголосый продолжал расплескивать руками лопухи, Геля поймала один из них и положила на голову. Лопух слетел после первого поворота, и на лету его поймал бурый дым. Голоса сливались и расходились, снова и снова, по кругу, повторяя стоны. Они перебивали шум леса, шипение огня и соединялись на длинном выдохе, когда стоны переходили в завывание. Юноши и девушки бегали и прыгали вокруг огня. Даже звонкоголосый сбросил серьезность с лица, его чёрные глаза вспыхивали и гасли, как у хищника, ищущего добычу. Столько воздуха выходило из лёгких в мертвое пространство - они теряли жизнь без особой причины. Но их босые ноги приминали траву. Их голоса уходили вглубь леса и вместе с ветвями прижимали небо, чтобы оно не обрушилось. Они оставляли себя в воздухе и на земле. Они двигались по кругу, но были везде. Их было не больше десяти, но казалось - тысячи. Тени дергались и смешивались на земле, теряясь в темноте. Мальчики были без рубашек в одних штанах, которые от движений надувались, словно штора у открытого окна. Девушки - их было трое вместе с Гелей, в белых длинных платьях, прижатых веревками под грудью, приподнимаясь на носочках, натягивая фиолетовые нити на тонких лодыжках, перепрыгивали через сгорбленные растения и полусгнившее кусты. Некоторые рассыпались в пыль под их стопами.

«Прекрасное дитя!» - думал и думал я, но никто на меня не смотрел.

Я схватил цветок и сжал его со всей силой, на какую был способен. Растение захрустело, и пыль от него разбежалась в стороны, но ничего прекрасного в этом не было. Маленькие ничем не примечательные желтоватые хрусталики падали с ладони, а передо мной по-прежнему кружили тени. Я почувствовал, как тысячу иголок прокалывали мою грудь, и это было больнее, чем порез ножа. Мне захотелось поскорее стать таким же молодым, как они,

чтобы прыгать перед костром, кричать ветру, и превращать в пыль землю, по которой я хожу.

- Эй, Жужу! Так же лю раньш!

Я поднялся, стряхнул пыль и пошёл в темноту леса. Геля догнала меня и схватила за руку.

- Жужу, ты мож остася с нами, ес хошь. Ток приведи ся в порядк.

«С чего ты взяла, что я хочу остаться с вами? Аборигены!»

Она приподнялась на носочки, приблизилась к уху и шепотом произнесла:

- На-се-ко-мо-е, - Геля прильнула губами к моей щеке и упорхнула, как мотылек, обратно к свету.

Звонкоголосый протянул ей руку, посмотрел на меня с вызовом, а потом, улыбнувшись, кивнул, и они оба вернулись к своим дикарским обрядам, оставив мою бледную тень лесу.

Солнце вытягивалось из-под земли, оставляя на чёрном небе кровоточащие раны. Я пробирался наугад, инстинктом, не заглядывая в карту. Каждый шаг отливало свинцом, и тело немело. Только щека приятно горела следами Гелиных губ. Пустота в груди вгрызалась в ребра, давила на лёгкие, вдохи которых я уже давно перестал считать. Ночь унесла с собой десятки лет, но чувствовал я себя не моложе, а наоборот – бесконечно старым. Сможет ли когда-нибудь моё тело также кружить по пространству? Зашевелятся ли мои онемевшие голосовые связки, издавая звуки разной высоты и тональности? Будут ли мои губы шептать слова, значение которых не совпадало бы с интонацией, произнесенной вслух? Где можно найти чистый воздух, который бы свободно выходил неровными завываниями? Я остановился и перестал смотреть, не находя ответы. *«До смерти осталось: 51 год, 343 дня, 27 минут, 3 секунды»*. Ничего больше на мои вопросы геном не выдавал.

Лес жужжал насекомыми, тараканы ползали по стволам сосен, шевеля длинными усами и перелетая с ветки на ветку. Дорога осветилась красными глазами дрозфилов. Воздух наполнился нервным и несмолкающим шелестом

крыльев. Что же общего у меня с насекомыми? Они могут передвигаться, куда пожелают, и им не нужно для этого тратить годы своей жизни. Нам до них ещё тысячелетия эволюции.

Сосны расступились, и город вырос серыми домами. Во всех окнах горел одинаковый ржавый свет. Изредка из него выходили вытянутые тонкие тени и затухали, скрываясь за рамой. Фасеточными глазами смотрели на пустой город построенные насекомые, только в некоторых местах проглядывали редкие фиолетово-чёрные синяки потухших окон. Пять домов упирались в красное ясное небо. Первый справа – дом психолога, за ним мой. Пустой желудок подпрыгивал при каждом шаге, ныло в правом боку. Только вдохи и выдохи безошибочно шли друг за другом, не теряя рабочего ритма капсулы, стучащей сильнее обычного в гортани.

Охранник сидел на посту, но я смерил его-её безразличным взглядом, больше он-она не интересовал меня, к тому же мои мысли съедала ноющая боль в пустом желудке. Охранник одобрительно кивнул. Табличка осталась пустой, и я без пожеланий поднялся на одиннадцатый этаж.

Комната казалась не привычно большой, освободившись от разбросанных предметов. Я так торопился, что почти упал перед холодильником. Ужин был пропущен, а значит меня ждали две порции. Я проглотил четыре таблетки, не вчитываясь в их состав. Они пролетели камнями по пищеводу и, приземлившись, стали растягивать желудок. Вредной еды ни вчера, ни сегодня не полагалось, поэтому тарелки были пустыми. Я уснул.

С непривычной легкостью в теле мне удалось подняться. В окне отражалась моя комната. Человек с впалыми щеками и длинной бородой смотрел на меня. Тараканы ползали по нему, не боясь прикоснуться к его телу. Я подошел ближе, чтобы рассмотреть его лицо, которое таяло в переливах света. Рта почти не было видно под мохнатым оперением усов. Огромный уродливый рудимент выступом торчал над ним. Я достал нож, вернулся к окну и стал убирать бороду с его лица. Тонкие губы по-прежнему уродовали длинный рот. Я оставил его скрытым под усами. В одной из сложенных кучек

бесполезных вещей, мне удалось найти ножницы. Я состриг длинные волосы, затем положил чистые тарелки в раковину и под открывшейся струей воды промыл то, что осталось после неровных срезов. Челку пригладил по диагонали.

Внутри потеплело, как от чая бегунов, но при мысли о них - снова застонало. Почему-то я был уверен, что эти вздохи в груди так и останутся в ней, и никогда их уже не выдохнуть. Сил не было ни на то, чтобы остаться, ни на то, чтобы куда-то идти. Я провел руками по голому лицу и вспомнил про Аттар-центр. Я не был ни счастливым, ни несчастным, но всё-таки собрался на улицу, на этот раз прихватив вечерние и дневные таблетки НПВ.

Тропинка извивалась не притоптанными камнями. *«Около двух тысяч лет назад на Землю обрушился поток падающих звёзд. После этого уже ни осталось ни одного дома добольшевзрывной эпохи. Дороги были усеяны огромными небесными камнями и передвигаться стало окончательно невозможно, но уже тогда внедрялись первые капсулы, и ходить по улицам никто и не стремился. Раньше люди не могли даже на мгновение прикоснуться к звёздам. Когда космос ещё осваивали с помощью кораблей, а не компьютеров, звёзды были так далеко, что до них не могли и долететь. Теперь по ним можно ходить. Раньше у людей затекали шеи из-за того, что они долго смотрели на ночное небо, что в некоторых случаях переходило в болезнь - астрохондроз. Но лекарство искать не пришлось, вирус себя уничтожил: в наше время на пустое ночное небо никто не смотрит часами».*

Через полчаса я перестал копаться в геноме, пересчитывать вдохи и выдохи, и вскоре рухнул на самую большую звезду. Небо чернело, и я пытался представить его цветом Гелиных глаз. Ветки слегка раскачивал Стричёрт, стряхивая пыльцу, которая оставалась от сгнивших осенних листьев. Бесчисленное множество жёлтых точек застывало в пространстве и светилось на фоне чёрного ветвистого неба. Мерцая, они угасали и медленно опускались на землю. Никогда прежде я не видел, как опадает и рассыпается осенняя пыльца. Она была пушистой и мягкой наощупь. Я покрывался ей, как

поцелуями Гели. Деревья прикасались ко мне опадающими ладонями. Кора деревьев трескалась и скрипела. Моя кожа никогда не издавала никаких звуков, Стричёрт не шатал мои руки в разные стороны. Лес говорил и двигался. Даже отравленный ядом большого взрыва он был живее человека, не вдыхавшего за свою жизнь ни единого грамма едкого воздуха. Тишина заполнялась жужжанием насекомых. В свете пыльцы сверкнул нефритовый панцирь. Жук пролетел прямо надо мной, ловко лавируя между деревьями. От движения крыльев пыльца разлетелась в стороны, и небо потухло.

Выпив одну таблетку НПВ, я двинулся дальше. Через час из леса показалось огромное вытянутой не вдоль, а поперек одутловатое серое здание. Жёлтые крупные буквы «Аттар-центр» подсвечивались над огромными дверями. В здании не было ни одного окна, и я не уверенно двинулся ко входу. Двери раскрыли пасть, и здание поглотило меня. Стены внутри были светло-серыми и вместе с ярким светом слепили глаза. Никогда ещё я не видел столько свободного пространства – комната растягивалась вширь. Стена передо мной исчезла, и из неё вышел человек во всем белом. Его походка отличалась от тех, что я видел. Бегуны дергались и прыгали, их движения напоминали конвульсию, не признающего смерть умирающего человека, охранник и психолог никогда не вставали со своих мест, а тени, за которыми я наблюдал с лестницы, спускаясь на работу, двигались, как замороженное тесто, которое вытащили из холодильника. Вязко, медленно, едва незаметно. Ноги не переступали, а растекались по комнате. Также двигался человек, которого я видел во сне. Слизень с безжизненными конечностями. Но этот мужчина управлялся со своими ногами, как стрекозы с крыльями. Он улыбнулся, поманил меня за собой и продолжил двигаться стремительным шагом. Мы прошли по комнате вправо, ещё одна стена открылась, мужчина жестами пригласил меня внутрь, а сам пошёл дальше. Темнота сомкнулась закрытой стеной, и из неё постепенно стали проступать серый экран с длинными числами, белая фигура, пышные кудрявые фиолетовые волосы, а под ними кресло, которое медленно развернулось. Это была девушка. На

маленьком носу лежали два огромных круглых стекла, за ними виднелись жёлтые глаза, которые, казалось, подсвечивались на фоне тёмной кожи, как блестящая пыльца деревьев на чёрном небе. Она улыбнулась длинным ртом, и ярко-белые зубы растянулись полумесяцем. Зачарованный этой улыбкой, я пропустил несколько мыслей, вспыхнувших на её лбу.

«...мы как раз набираем команду для следующей экспедиции. Ты можешь отправиться с нами, но для начала нужно получить всю необходимую информацию, одежду и снаряжение. Предупреждаю, это смертельно опасно. На раздумья сутки».

«Какую...» - начал думать я, но нашу переписку перебил звук открывающихся стен.

Белая тень с длинными чёрными косами дергаными движениями направилась к нам. В свете экрана я увидел знакомое пухлое лицо с глазами цветом ушедшего неба.

«Прекрасное дитя!»

- Насекомое выползл из муравейнк!

Губы Гели слегка дрогнули в улыбке, а затем она смерила меня взглядом.

- Уже лучш! Остаь ток лохмоть сменить!

Геля подошла к девушке и шепнула что-то ей на ухо.

«Геля покажет тебе наш центр и расскажет обо всём подробнее», - с полумесяцем на губах подумала девушка и снова повернулась ко мне фиолетовыми кудрями.

Геля взяла меня под локоть и повела к стене, та распахнулась, и мы снова вышли в бесконечную белую комнату.

- Эт нш центр, я сбежла отсюд пар месяцв назд, но вернлсь, птму шт чувсвола, шт ты придшь.

Её рубанные слова совсем не сочетались с округлыми чертами лица. Мне нравилось, что я могу наблюдать за её кистями, движениями губ и грудью, пока она говорила. Её лоб был девственно чист, и мне хотелось прикоснуться

к нему, чтобы попытаться залезть в закрытые от меня мысли. Я пытался подстроиться под её шаг и повторить движения мужчины, но ноги продолжали шевелиться с отставанием, и мне приходилось приложить немало усилий, чтобы не отставать от дерганой, но весьма бодрой походки Гели. Она говорила об истории центра, о геномах, в которых заложена вся необходимая информация об окружающих или существующих когда-то предметах. Иногда она говорила так быстро, что мне приходилось только догадываться о смысле. Она начала рассказывать про дозривных людей. У них были учителя, которые передавали остальным знания о мире, но это занимало слишком много времени и к тому же было не эффективно – каждый по-разному воспринимал и использовал полученные знания. Теперь у всех имеется абсолютно одинаковый набор информации, заложенный в геномах. Он позволяет мгновенно вспомнить то, чего ты никогда не знал – о прошлом, настоящем и будущем, но только если понадобится, конечно.

- Ес я ща упмяну кошку, в твоей голове сразу всплывёт образ животного, которое ты никогда прежде в своей жизни не видел. Инфа в твоём геноме активизируется при запресе.

Вычислить будущее оказалось не так сложно, как полагали наши первобытные предки, - продолжала тараторить Геля, когда мы зашли в огромный кабинет. Потолок был прозрачным и куполом вытягивался вверх. Огромное тёмно-красное небо казалось бесконечным, не сжатое узким окном моей комнаты и ветвями сосен. Группа людей сидела перед экранами, на которых вверху высвечивались и крутились с бешеной скоростью длинные числа, а под ними сменялись картинки. То летели метеориты, то соединялись и взрывались галактики, то перемещались планеты, а в конце гасло и меркло солнце, после чего картинки повторялись. Я вспомнил свой кабинет с маленькими разноцветными кнопками, и уголки моих губ невольно поднялись вверх. У других на экранах двигалась дорога, с боков прижатая зелёными полями, а сверху – Гелиными глазами, что растягивались бесконечностью. Дорога раздваивалась, сужалась, сменялась деревьями, бежала волнами вверх-вниз, поднималась в гору и там уже растворялась в облаках белого цвета. На

экране мелькали животные, что уже не существуют в наше время, но о которых знал мой геном. Кони, волки, рыси, медведи пробегали по зелёным, не заросшим белой травой полям, а огромные птицы и самолеты разрезали Гелины глаза крыльями. Я думал, что земля никогда не кончится, пока истребитель не сбросил чёрную ракету. Она разорвалась ослепительными вспышками, и тогда глаза Гели закрылись свинцовыми красными веками. Экран заполнился фиолетовыми кольцами, которые съедали зелень с полей, покрывая их огнём. Горели и обугливались тела птиц, людей и животных. Я отвёл глаза от экрана.

Здесь работают прорицатели, как объяснила мне Геля. Они редко ошибаются и с помощью компьютеров описывают будущее на столетия вперёд, а затем передают всю необходимую информацию в центр формирования жизненных карт.

- И скривть уж ниче не над. Птму и длают жизные карт, чтб кажд видл све будущ и не стремлся ни к чему бошь, ну, не парлся над этм, пон? Ток мы до сих пр не знам, ес ли где-т ещ чистй вздух, в грах ег уж остаь свсем мал. А он нм позарез нужн, инче мы вымрм. След выезд послзавтр, я поед, но тока ес ты поедшь, - на последних словах Геля остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, а не на лоб, будто хотела прочитать ответ в моих зрачках, а не мыслях.

Я сглотнул и кивнул.

Глава 12

Нас снарядили рюкзаками и специальными костюмами. Первая шла та самая девушка с фиолетовыми волосами. Все звали её Мусей, и она отвечала за всю нашу экспедицию. Она должна была стать брюнеткой, красавицей с черными глазами и темной кожей, но какая-то ошибка произошла с воспроизведением её генома, поэтому ей приходится носить очки и фиолетовые волосы. Из-за этого выбора у неё не было, и она должна считать

числа и водить на экспедицию людей до конца своей жизни. Мало ли что ещё не так с её геном. Остальные же сюда попали, как и я, по причине развивавшейся болезни. Всего нас было около ста человек. Мы должны были найти чистый воздух для новых капсул с помощью специальных измерителей кислорода - оксиметров. Выглядели все почти одинаково - в зеленых монокромных костюмах с убранными волосами в специальные шапочки, защищающие от ядовитого воздуха. Деревья тянулись вверх и толкались под воем Стричерта. За их ветвями неба не было видно, так что никто не знал, утро сейчас или ночь. Впереди дорога была совсем узкая и поднималась зигзагом. Муся освещала дорогу. Слова Гели дергались и разлетались по лесу. Она рассказывала мне про работу центра и про людей, идущих рядом с нами. Я слушал её и внутри меня, словно, подгорала сковородка с подсолнечным маслом, на которую забыли положить еду, чтобы та перестала шипеть и раскаляться.

Джорджу было двадцать четыре, как и Геле, но он прожил гораздо больше неё. За пятьдесят лет жизни ему надоело спускаться каждый день на один и тот же этаж и разлагать ум страданиями. В свой двадцать четвертый день рождения ему привиделся сон о горе, на вершине которой билось его сердце. Он шёл к нему и видел тысячу городов с миллионами маленьких домов, по которым ползали жуки, а между ними – вытягивались, переходя в горизонт, золотые поля. Джордж поднимался выше и выше, пока перед ним не появилась стена из красных облаков. Он вошёл в неё, и всё вокруг стало алым. Облака прилипали к коже, тяжестью давили на плечи и грудь, но сердце всё ещё билось над ним, и он шёл на стук, пока, наконец, не достиг вершины. Красные тучи остались под его ногами, а вокруг чёрным рассыпалось небо, просвечиваясь миллионами жёлтых дыр. Психолог сказал, что это исключительно редкий случай, и никто прежде ничего подобного ни увидеть, ни выдумать не мог, так что Джорджа сразу отправили в «Аттар-центр».

- Мне каж, он не хоч найи чистй вздух. Он надеесь увдеть ту гру и продырявленное нбо, - шепнула Геля.

Я давно заметил, что Геля замедляется на каждом многосложном слове. Она ловко сокращала короткие слова, сглатывая гласные или окончания, но длинные произносила медленно, с придыханием, как будто не понимала, что с ними делать. В эти моменты её ресницы осторожно опускались на глаза, и мне казалось, что-то важное пряталось за ними. Про Марка Геля знала совсем немного, ему было около тридцати, и он никогда не ходил к психологу, зато часто разгуливал после работы по городу, затем научился бегать и два раза в день выходил на пробежку. В конце концов, охранник позвонил куда следует, и Марка, на всякий случай, прислали сюда. Если хочет страдать – пусть страдает по правилам. Но Марк только обрадовался – бегать без цели ему уже давно надоело. Сквозь его обтягивающие зелёные штаны выступали твёрдые натянутые на кожу мышцы. Я посмотрел на свои тощие икры, на которых жалобно висела эластичная ткань.

Еве совсем недавно родилась. Она на несколько лет меня старше. Одежда на ней была на размер больше, и это делало её и без того худое лицо совсем крошечным. Подвижные впалые глаза бегали испуганно по лесу, углы её фигуры проступали сквозь костюм после каждого нервного движения. Геля шепнула, что ей осталось немного – это самый тяжелый случай среди всех. Она единственная, кто попал сюда из-за депрессии.

- Кто-т перестарлся с рецептом, норманя депрся персла в клиничскую. А черсчр несчастн чел опсен наравн с крайне счаслвым.

Ева остановила свой взгляд на мне. Её глаза блестели, как пыльца, которая падала с деревьев и умирала, чтобы осветить чёрное небо. Геля посмотрела на Еву и замолчала на некоторое время.

«Каков твой путь, прекрасное дитя? Ты же отправилась сюда не за поисками страданий и воздуха?»

Геля отвернулась от моего лба, ничего не ответив. Слева, за решёткой леса, виднелись поля. Красная мгла лежала над ними. Белые, как не обремененные словами лбы людей, они уходили вперёд до того места, куда

ещё в силах был прикоснуться взгляд. Мне хотелось молчать вместе с ними, чтобы никто больше не смотрел на мой лоб. Геля тоже молчала. Она понимала.

Перед нами возникли жёлтые глаза и белые зубы Муси.

«*Не отстаём*» - сверкнуло на её лбу и казалось, что слова застыли посередине темноты, с которой сливался цвет её кожи.

Мы шли вереницей и растянулись длинной цепочкой. Все молчали, и было слышно только шуршание ног о землю. Наше построение то и дело менялось, растягиваясь всё длиннее с каждым прошедшим часом. Кто-то выходил вперед, а кто-то отставал. Муся ходила между нами и то и дело сверкала белыми зубами, подгоняя всех отстающих. Мне не хватало воздуха, и я незаметно угодил в конец нашей экспедиции. Слева от меня шла Ева, справа – Геля, которая старалась идти со мной в ногу, хотя я знал, что она может шагать гораздо быстрее. Юноши и девушки шли впереди, взрослые оставались в хвосте. Все молчали, а если кто-то и включал таблички, не было ни времени, ни сил посмотреть на них. Чем выше мы поднимались, тем меньше воздуха в капсуле становилось. Кровь еле передвигала кислород, и в голове стало пульсировать. Я уже сомневался, стоило ли приезжать сюда и отправиться на поиски не отравленного воздуха, которого, как мне казалось, нам точно никогда не найти. Страданиями моё тело уже было переполнено. Присутствие Гели подбадривало меня первые пару часов, но потом никаких мыслей в голове не осталось.

Мы остановились на привал. Многие сразу попадали на землю. Кто-то раскрывал рот и пытался вдохнуть кислорода, которого здесь не было. Муся пересчитала всех и велела расставить палатки для ночлега.

«Если кто-то передумал, может в любой момент вернуться обратно. Не забывайте про отпугиватель насекомых. Их здесь столько, что некоторые из них могут быть опасными».

Где-то справа пронзительно звякнула табличка на лбу. Я не успел увидеть того, кто включил её, как и прочитать то, что на ней было написано,

но Муся, оглядев нас всех своей белой ухмылкой, дала исчерпывающий ответ: *«Некоторые из них могут съесть человека».*

На этом мысленная беседа закончилась, и все с явным напряжением, но не мешкая, принялись доставать палатки и вещи из рюкзаков.

- А кстёр! – закричал знакомый тонкий голос.

Слова разлетелись эхом по лесу и разбудили его. Зашуршали и зашелестели тысячу ног и крыльев. Теперь я понял, что имела в виду Муся. Звуки ползли отовсюду, их было слишком много.

Геля достала из своего рюкзака банку с каким-то веществом, кинула туда пару проводков. Бурый дым поднимался кверху, быстрыми движениями рук Геля опрокинула содержимое банки, и из земли вытянулось длинное пламя и заскользило по её пухлым раскрасневшимся щекам, как в тот день, когда мы впервые встретились. Она улыбалась, а её грудь едва заметно приподнималась. Я подошёл к Геле так близко, что мог слышать, как пульсирует капсула в её гортани, и дотронулся руками до нежного лица. Мне хотелось поймать тени огня, которые бегали по её щекам и подбородку. Мои пальцы вращались в её кожу. Отравленный воздух больше не разделял нас. Кровь, перекачивающая кислород по венам, волнами поднимала кожу на тысячу крошечных гор.

- Му-ра-шки, - прошептала Геля так, что только я мог её услышать, - они по-яв-ляю-тся от при-кос-но-ве-ний тех, ко-го с на-ми боль-ше нет.

Она проговорила каждое слово полностью, медленно растягивая каждый слог. Кожа на затылке тоже подернулась мурашками. В её черных зрачках мигали два огонечка и казалось, что по другую сторону костра прячется другая Геля. Та, что медленно проговаривает слова, - существует только для меня, и выходит из темноты глаз совсем редко. Другая же – проглатывает звуки, тараторит и всё время куда-то торопится. Эту Гелю знают все.

- Хвтит, - звонкий голос прервал нашу тишину.

Все, не двигаясь, уставились на нас, даже Ева не дергалась. Перед нами стоял звонкоголосый, выпрямившись во весь рост и не отводя от меня взгляда.

В его глазах закипала смола и, переливаясь чёрными пятнами, прилипала к моему телу. Я почувствовал, как под кожей проступали мышцы, которых, как мне до этого казалось, у меня никогда не было. Воздух становился тяжелее, и, если бы не Муся, он бы раскололся на части.

«Это неправильно. Нельзя трогать человека, если он тебе не принадлежит. Таков закон».

«Значит, Геля будет принадлежать мне».

«Нет. В твоей карте она не обозначена, как вариант для общей жизни. Не в этой жизни, Евгений».

«Чей же она вариант?»

- Мой.

Звонкоголосый сжимал руки в кулаки и по-прежнему не отрывал своего липкого взгляда от меня. Гелины глаза сверлили землю под ногами, только улыбка слегка блестела на щеках, как проступающая из-под белой травы роса.

«Разве может человек быть вариантом! Человек – это человек!»

«Таковы правила. Всё рассчитано наилучшим образом, и тебе это давно известно. Ты будешь счастлив с ней, и, в конце концов, это сделает вас обоих несчастными. Неправильно несчастными. Ты не должен больше её трогать».

Геля по-прежнему смотрела вниз.

- Почему?

Глава 11

Мы шли месяц. В горле до сих пор периодически першило после того, как я впервые пропустил воздух через голосовые связки. Многие вернулись обратно ещё в первые недели. Кто-то из-за усталости, кто-то достаточно настрадался и вернулся в прежнее состояние депрессии, а кто-то просто затосковал по дому и привычной работе. Осталось нас около тридцати, но мы всё ещё сильно растягивались из-за слишком большой разницы в скорости ходьбы. Пришлось разбиться на три группы иделиться. Я усердно боролся

с телом и с каждым днём двигался всё шустрее, поэтому оказался в числе быстроходящих. Наша группа двигалась вверх. Гелю я почти не видел все эти дни, а возле меня всё время шёл мужчина, о котором она мне, как и о звонкоголосом, и многих других, не успела рассказать в автобусе. Он был старше меня на пять лет, и его звали Венедикт. Он говорил вслух, но не так бездумно, как бегуны. Венедикт был прагматичен и высокомерен. Если он тратил воздух, то только для того, чтобы привлечь внимание, и никогда не обрезал слова. У него были глаза навывкате, а когда он говорил или включал табличку, то задира л голову вверх так, что подбородок выпячивался вперёд. Из-за этой привычки Венедикт всегда смотрел на всех несколько свысока, и приходилось приложить усилия, чтобы прочитать, что написано на его лбу. У него были широкие плечи и ровная осанка. Каждый вечер у костра все внимательно следили за его лбом. Даже Муся терялась и робела, когда он включал табличку. Этим вечером после ужина Венедикт, как обычно, вытянул нижнюю губу вперед, и все уже знали, что сейчас он начнет говорить.

- Друзья, - с ударением произносил он, после чего включал табличку.

«Уже прошел месяц с начала нашей экспедиции. Я вижу, как многие из вас не выдерживают дороги. Но, если не остановитесь, совсем скоро вы сможете преодолевать за день гораздо большие расстояния. В любом случае, нам нужно двигаться быстрее, мы по-прежнему у самого подножия горы, и до вершины такими темпами добираться придется ещё несколько лет. Это измучает нас больше, если мы сейчас не прибавим ходу. Я прав?» - он задрал подбородок ещё выше и строго посмотрел на Мусю. Та, слегка опустив голову, едва заметно кивнула, но взгляда оторвать от Венедикта не смела. Он же молчал, вращал своими выпученными глазами, поднимал и опускал брови и, снова надув губы, продолжал: *«Нам нечего бояться. Боится тот, кому есть, чего терять. Но всемогущим становится человек, которому ещё и есть за что бороться. Мы боремся за будущее, поэтому, если вы еще жалеете о прошлом, то покиньте экспедицию сегодня же, пока мы не ушли далеко».*

Венедикт откинул спину, скрестил руки и задрал голову ещё выше: *«Или же идите до конца»*.

Желваки на его лице выступили вперёд, а тени от Гелиного костра падали на широкий подбородок. Казалось, воцарилась полная тишина, хотя Венедикт сказал вслух только одно слово. Когда табличка погасла, каждый начал прислушиваться к своим собственным мыслям, которые после движений и речей Венедикта просыпались в головах. Марк вытянулся вперёд так, что его мышцы казались ещё больше, на вечно хмуром лице Джорджа неестественно блестели глаза, а Ева притихла и смотрела на костёр. Безымянные, как я их называл, мужчина и женщина, примерно лет сорока, почти одинаковые – полноватые и маленькие с крохотными глазами, всё время молчали и как будто никогда ни о чем не думали. Только когда говорил Венедикт они поднимали головы и смотрели на него с бессмысленным выражением. Иногда мне казалось, что они не умеют читать, но Геля сказала, что такого не бывает, настолько ещё не ошибались с геномом. Звонкоголосый, выпрямив спину и скрестив руки, сидел рядом с Гелей. Он встретился со мной взглядом. Чья-то табличка зазвенела. Это была Муся.

«Венедикт предложил ещё одну идею», - на этих мыслях она остановилась и посмотрела на него, словно спрашивая разрешения. Венедикт кивнул, и Муся продолжила: *«С завтрашнего дня мы будем делиться на группы по два человека, у вас будет свой маршрут. Персональные карты уже загружены нашими программистами из центра. На них указан ваш путь на два дня, место и время встречи всей группы. Пары будут меняться. В случае необходимости по запросу вы можете связаться с любым членом команды»*.

В голове щёлкнуло и я увидел, что мой напарник на завтра - Джордж. Он смотрел вглубь себя, видимо, еще изучал информацию обо мне. Постепенно каждый выходил из транса, и вскоре все разошлись по палаткам.

Ночью мне не спалось, хотя к концу месяца тело почти перестало мучать меня, мышцы успевали восстанавливаться, только спина болела из-за тяжести рюкзака, давящего в течение дня на плечи, и ночного сна на неровной земле.

На одном из вечеров Венедикт рассказывал, что первобытные люди ходили в так называемые «походы», где они ради развлечения ночевали в палатках, жгли костры и таскали всё снаряжение на плечах. Мне сложно было представить, что кто-то мог ходить с палатками в поисках удовольствия, а не страданий. Видимо, первобытным людям жилось ещё хуже, чем нам.

Перед сном я крутил в глазах карту. В пару сантиметров от нашего маршрута стоял красный крестик с восклицательным под названием «землероды». В моем геноме не было никакой информации об этом.

Я проснулся раньше всех. Нас приучили умываться каждый день: лучше соблюдать гигиену для поддержки тела в тонусе во время непривычной нагрузки для организма. Пока я брызгал спрей на зубы и кожу, чья-то тень упала передо мной. Это был Венедикт. Несмотря на то, что мой рост был больше его, мне казалось, что снизу вверх смотрю я, а не он. Венедикт улыбался.

«Мне понравилось то, что произошло у костра между тобой и той девчонкой. Что-то в тебе есть. Не удивительно, что та девчушка не устояла» - он подошел совсем близко к моему лицу, - *«почти всё, что написано в карте – брехня. Информация в геноме полезна только при отсеивании. Тогда ты произнес правильное слово. Почаще задавай этот вопрос себе»*.

Он похлопал меня по плечу и ушёл в лес. Ему не было интересно, что я имел в виду под этим вопросом и кому его задал. Он отыграл сцену и довольный своим выступлением скрылся в соснах, как за занавесом. Жаль, что у нас не осталось театров. И всё же его слова снова зашевелили мои мысли. Я оделся и вернулся к нашей стоянке. Джордж уже был готов. Он смотрел на меня злобно и молча протянул мой рюкзак.

«Задерживаешься»

Я молча кивнул. Муся махнула нам рукой, и от её застывшей улыбки с белыми зубами на чёрном лице у меня пробежал холодок по коленям. Почему-то это было неприятнее оскорблений охранника.

Солнце вышло и тяжело давило на плечи. Камни поочередно хрустели, убегая из-под ботинок, штаны стягивали мышцы, даже ворот рубашки душил шею. Сегодня идти было особенно тяжело, но я держался наравне с Джорджем. Через пару часов к хрусту под ногами присоединилось урчание живота. Три огромных валуна разложились посередине нашей тропы, и мы остановились. Джордж сел на землю, оперевшись спиной о валун. Он пил воду и смотрел прямо перед собой, словно видел сон или копался в голове, но глаза не были подернуты белым, а сны никто ещё не научился видеть наяву.

- Джордж, - захрипел я.

«Ты можешь включить табличку, и я услышу», - как мне показалось, недовольно подумал он.

Честно говоря, я не собирался звать его вслух, но что-то в голове стало путаться с тех пор, как моё первое слово вырвалось из легких.

«Ну?»

Джордж смотрел на меня выжидающе, но за время нашей экспедиции я ещё не присматривался к нему хорошо.

«О чём ты думаешь, когда не надо идти и мышцы не стягивают тело?»

Джордж и до этого не отрывал своего прямого взгляда от моего лица, но сейчас его глаза как будто впервые заметили меня. Он смотрел с усталым любопытством. Из-под его шапки выступала бледно-желтая, почти прозрачная челка. Несмотря на свою вечную угрюмость, это был симпатичный молодой парень, и мне стало интересно, как он выглядел в мои годы. Джордж некоторое время ещё молча разглядывал меня, после чего, наконец, подумал: *«Думаю о том, чего я не знаю»*.

«И что ты не знаешь?» - я почувствовал, как мои зрачки подогрелись изнутри. Джордж заметил это, и снова возникла пауза. Наконец, он вздохнул и подумал: *«В том-то и дело, что не знаю»*.

Я невольно улыбнулся, и Джорджу это явно не понравилось, он снова нахмурился и расправил плечи так, что стал казаться больше.

«Джордж, ты прожил намного больше меня. Разве могло ещё остаться что-то тебе неизвестное?»

Он был явно польщен этим и даже слегка смутился. Оборона была снята.

«Не знаю, думаешь, я за пятьдесят прошедших лет видел больше, чем ты?»

«Поэтому ты здесь? Увидеть то, чего раньше не знал?»

Он задумался, и я увидел, как по его лбу пробежали три точки, затем слова, налезая друг на друга, вспыхивали и тут же гасли, после чего он выключил табличку. Я понял, что он сам много раз задавал этот вопрос себе. И дело было тут не только в горе, которую он увидел во сне. Мысли человека убегают далеко за пределы карточек, это я понял давно.

«Джордж, ты внимательно смотрел нашу карту?»

Он снова расправил плечи. Меня вдруг осенило, что будет лучше, если он услышит эту фразу.

- Я. Хотел. Ска. Зать...

Мой голос предательски запинаясь перед каждым словом, я ещё не понимал, как правильно следует выпускать струи воздуха, чтобы добиться нужной интонации и ставить паузы в нужных местах. Я закрыл глаза, втянул капсулу поглубже и выдохнул одной фразой:

- Ты не хошь сходть к землердам?

«Это совсем недалеко от нашего маршрута».

Я смотрел ему в глаза и понял, почему Геля, когда задавала вопросы, никогда не смотрела сразу на таблички. На лице Джорджа пронеслось несколько эмоций сразу. Он тоже об этом думал. Наконец, его брови расправились, он выпрямил плечи и смотрел мне прямо в глаза.

«Пойдём».

Я впервые увидел улыбку на его лице.

Глава 10

Как только мы свернули с тропинки в сторону красного креста на карте, по телу пробежался электрический ток, и стало не по себе. С тех пор, как мы познакомились с Гелей, я уже много чего испытал, поэтому ошибки быть не могло – это не *мои* чувства.

- Чёрт! – невольно выругался я и почувствовал при этом волну облегчения.

Джордж остановился и с напряжением зажмурил глаза. На его лбу набухла фиолетовым вена. Стрелка оксиметра задергалась, будто Стричёрт в неё вселился.

- Эй! – крикнул я уже громче, и импульсы почти прошли.

«Джордж! Кричи! Это поможет!»

Он смотрел с такой ненавистью, что мне показалось, будто он сейчас накинется на меня. Его зубы скрипели, как Стричёрт по ночам, бледные губы заалели, и с правой стороны лопалась пузырями слюна. Джордж сжал кулаки, и я, закрыв глаза, приготовился к удару, но вместо этого услышал полужвериный рёв. Его крик длился так долго, что я испугался, не умрёт ли он на моих глазах. Когда Джордж замолчал, из его груди со свистом выходил воздух, он почти задыхался, но ненависть исчезла с его лица, и на нём застыло какое-то новое выражение. На мгновение мне показалось, что сердце Джорджа учащенно поднимает не только его зелёную рубашку, но и мою. Челка прилипла к его блестящему лбу, на котором не подсвечивались слова, но мы уже поняли мысли друг друга. Лес замолчал под нашими криками.

Я услышал резкий свист возле моего уха. Кора у сосны, что стояла передо мной, расщепилась. Из образовавшейся дырки медленно стекали капли смолы. Я потрогал стрелу: древесина. Выходит, свои своих же... Джордж был менее любопытен и с опаской огляделся по сторонам, но это не спасло его от второй стрелы. Из его груди вырвалось сжатое «ах», и я подумал, что за свою жизнь он не произнес ни одного слова, кроме трех междометий. Древний

инстинкт подсказал мне, что лучше поднять руки. Стреляющих по-прежнему не было видно. Сосны едва слышно шевелились.

- Он же один! Зачем... – раздался где-то в листве детский голос, то ли мальчика, то ли девочки.

- Где один там и второй, - холодно ответил более грубый голос.

Я услышал, как медленно натягивается тетива, и лёг ничком на землю.

- Не! Стреля. Йте! Один!

Не поднимая головы, я услышал шелест и возню, которые переросли в шум и треск, земля вздрогнула и передо мной оказались две пары босых совсем крошечных ног. По спине пробежали мурашки, и мне показалось, что тетива стянула не только лук, но и воздух надо мной.

- Чё приперлись и разоорались?

- Увидь на крте крест, и реши посмот. Реть, чт это Та. Кое, - я говорил спокойно, но строптивый воздух разрывал мои слова на трещины, сквозь которые просачивался страх.

- Ты припадочный что ли? Говори нормально, выродок. Или уж режь слова по-вашемскому или договаривай по-человечески.

- Недав начл грить. Мож перевер. Нуть? Ся. Мысли покаж-у.

- Валяй. Чё вытворишь – убью.

Надо мной стояли двое мальчишек. Один лет семи, а тот, что с луком, на несколько лет старше. Их тёмные волосы кудрями спадали на плечи, и они были похожи друг на друга, как две едкие сосны. Мальчишки стояли передо мной почти голышом, и я не мог не восхититься их телом. Даже Марк не сравнился бы с ними. Их тела были подтянуты и тонкие, как стрела, направленная мне в лицо.

«Я – Евгений».

- Да хоть таракан. Чё тут делаешь, спрашивают тебя, - мальчик говорил нарочито грубо, но слова с необычной легкостью растворялись в воздухе.

«Место было незнакомое и красным помечено. Интересно стало».

- Вам чё даже интересно бывает? – и снова я услышал, как разрубается воздух, но смех этот был иной, со злостью.

- Ну ладно тебе, посмотри, чего он тебе сделает, он же совсем слабенкий. Одежда на нём совсем висит, - он сжал ладони в кулаки, поднес к глазам и изогнулся всем телом, едва не образуя круг, - а глазюки - больше всего лица! Ещё усы эти смешные, это что у вас там - мода или для защиты носа от воздуха? – маленький засмеялся, но по-доброму.

«Что, правда, страшно выглядит? Девчонкам не понравится?»

Тут уж маленького совсем прихватило, и даже на лице старшего слегка надулась улыбка, но тетивы он всё же не ослабил.

- Ну смотря, конечно, какие девчонки там у вас! Нашим точно не понравятся!

Старший, забыв про лук, стукнул младшего в бок.

- Не трепись!

Я дождался, когда старший снова посмотрит на меня, и прежде, чем он начал говорить, засветил: *«Это ведь лук, да? Откуда он у тебя? Сам сделал?»*

- Ну, конечно, сам, мы вообще-то тут всё сами делаем, это вы привыкли, шоб вам в таблеточках всё приносили.

- Опять шокаешь!

- Не шокаю! – прошипел старший, смерив свинцовым взглядом маленького.

«И как это, когда сам всё делаешь?»

Мальчики удивленно уставились на меня, и я выиграл немного времени. Маленький был прав – вряд ли мне удастся справиться с ними. Тело меня не спасет. Но что-то в их детских голосах внушало доверие, несмотря на две выпущенные стрелы. Медленный вдох-выдох.

«Кто вы?»

- Люди. Настоящие только. Не подделки.

Они пошептались, после чего велели мне встать, и подталкиваемый наконечником стрелы я двинулся вперёд. Глаза Джорджа, замерев, уставились

в небо. Выражения в них никакого не было, рот так и остался раскрытым. Я никогда прежде не видел смерть и ничего не знал о ней, но теперь мне сложно было представить, что это тело, напоминавшую красивую куклу, ткань которой порвали тонкой деревянной стрелой, вообще было когда-либо живым. Мне стало жалко двадцать один год не использованного воздуха и того, что Джордж так и не добрался до вершины своей горы.

Чем дальше мы шли, тем ниже становились деревья, пока совсем не исчезли. На ровной поверхности друг за дружкой стояли крохотные деревянные дома с соломенными крышами и большими окнами. Вокруг было много людей, и никто не сидел без дела. Многие даже не обратили на меня внимания. Их движения отличались от наших, никто не ходил обрывисто, не дергался, не было ничего лишнего – всё казалось... естественным. Я видел такую походку только у Муси и парня из «Аттар-центра».

- Эй, землеройки, а ну идите посмотрите, усы какие!

Я понял, что мои усы меня спасли. Дети обступили меня. У всех была бледно-розовая кожа со вздутыми венами. Они просверливали меня своими подвижными глазами. Лбы были гладкие и девственно чистые, как панцирь у тараканов, и двигались дети также, как насекомые, без лишних усилий, непринужденно и легко.

- Мы с дерева одного пристрелили! А второй стоит, руки задрал, потом бух! И упал, и давай «тыр-пыр», два слова связать не может! Переворачивается и луп-луп на нас! Испугался!

Дети наперебой кричали, свистели и задавали вопросы. Тем, кто остался позади, приходилось то и дело подпрыгивать на месте, как кузнечикам, чтобы хоть что-то увидеть.

- Хватит, - сказал малыш, который всё время держал меня на прицеле, - ведём его к старшим. Там уже и решат, что делать с ним.

Этот мальчишка явно прожил не один десяток лет. Джордж мог быть живым, если бы был таким же уверенным и ловким. Меня повели к самому дальнему дому. Я шёл по инерции стрелы, уставленной мне в спину. Наконец,

маленький пробежал вперёд и постучал в деревянную дверь. Окны закрывали шторами. Если в моей комнате было такое огромное окно в мир, я бы не стал его занавешивать.

- Мы выродка поймали!

Высокий стройный мужчина показался в дверях. Он оглядел меня, и перевёл взгляд на мальчишек:

- Почему бросили пост? – сказал он с интонацией, которую пытался воспроизвести старший мальчик, говоря со мной и другими детьми.

- Так... - уже своим тонким голосом отвечал старший.

- Сколько их было?

- Всего двое, одного убили...

- Они не ходят парами, вернуться на пост сейчас же. Капсулу срезали?

- Не успели...

Мужчина полминуты ничего не говорил, только смотрел на мальчишек. Они выглядели ещё младше под его строгим взглядом и молча выжидали.

- Вернуться на пост. Вытащить капсулу. Смотреть в оба. В живых никого не оставлять.

Дети развернулись и, словно дикие звери, помчались обратно в лес. Мужчина стянул с моего лба шапку, бросил её за бревенчатый забор и смотрел мне прямо в глаза. Его ноздри шевелились и едва слышно посапывали. Мои ресницы подрагивали.

- Че приперся?

Я уже слышал сегодня эту фразу, но звучала она совсем по-иному. Было ясно, что усы меня не спасут.

- Кто... кто там? – прохрипел чей-то голос из глубины дома.

Мужчина посмотрел на меня с досадой и раздражением. Он отступил назад, и я понял, что надо пройти внутрь. В доме было просторно. Это не было похоже на бессмысленно потраченное пространство в «Аттар-центре», но и совсем не напоминало мою тесную комнату. Места было много, но оно было так заполнено, что не казалось излишним. Посередине стоял огромный

деревянный стол, на нём была бархатная скатерть, и по центру стояла ваза с луговыми цветами. Предметы в доме были архаичными, дозривной эпохи, и мой мозг не успевал обработать всю информацию. Белыми пятнами смотрели на меня предметы, которых я не мог назвать.

- Выродок? Живой? – в тени дома снова поскреблось по стенам эхо хриплого голоса.

Мужчина негрубо подтолкнул меня в спину. В самом тёмном углу стояла кровать. На ней сидела старуха, настолько бледная, что казалось вот-вот начнет просвечивать и, в конце концов, исчезнет. Убитый Джордж выглядел живее, чем она. Я не понимал, зачем меня привели к явно новорожденной, и почему мужчина оробел под её пристальным прозрачным взглядом.

- Один пришел?

«С другом. Дети его убили».

- Ну, что поделать. Так уж мы их обучили. Воздуха-то вы нам оставили уже совсем мало. Да и по два человека вы никогда не ходите.

«Кто-то уже был здесь из наших?»

- Да.

Старуха смотрела на меня так, что, мне казалось, я и сам скоро обесцвечусь. Я не мог оторвать взгляда от её тусклых глаз.

- Зачем вы пришли сюда?

«Из любопытства».

- Оно, оказывается, ещё у кого-то из ваших осталось?

«Теперь только у одного».

Старуха захрипела так, будто подавилась и вот-вот задохнется. Я догадался, что это был смех, и понял, что теперь могу задавать вопросы.

«Кто вы?»

- Говорящий народ.

Я ждал, что она ещё что-то скажет, но она продолжала молча просвечивать меня взглядом.

«Зачем вы убили Джорджа?»

- Потому что ваши люди, - она произнесла последнее слово так, будто оно здесь не уместно, - отнимают у нас воздух. Мы убиваем ради жизни.

Мне это логичным не показалось, но я промолчал.

«Вы убьёте и меня тоже?»

- Зависит от обстоятельств. Просто так мы тебя точно не отпустим, ты вернешься к своим и расскажешь чего лишнего о нас.

«Но они уже знают о вас» - невольно подумал я и удивился, что не отнес себя к ним.

- Они знают только, что к нам подходить нельзя, - старуха скривила рот.

«Но если я не вернусь завтра, то они начнут меня искать».

Она улыбнулась и ничего не ответила. Мужчина, про которого я уже почти забыл, подошёл к кровати и что-то произнес старухе на ухо.

- Иди с Геной, - сказала старуха и легла, сложив руки на груди.

Мужчины рубили дрова, перетаскивали белесую солому, вбивали гвозди в доски, перекапывали землю. Женщины склонились над грядками, посыпали и закапывали семена. Дети таскали воду, подавали взрослым инструментам и постоянно косились на меня.

«Здесь земля не отравленная?»

Гена ничего не сказал и даже не обернулся. Никто из попадавшихся нам на встречу людей не сидел без дела. На лицах было особое выражение – такого я ещё не видел прежде. Взгляд этих людей не блуждал по пространству и не падал, куда вздумается. Они смотрели с таким видом, будто не рылись в земле, а доставили звёзды с неба добольшевзрывной эпохи. Морщины на красных лицах казались порождением труда, а не дум. Мы подошли к мужчинам, которые раскапывали землю. Они остановили работу и посмотрели сначала на меня, потом на Гену.

- Будет с нами копать.

Он взял две лопаты, одну передал мне, слегка кивнув, второй принялся копать сам. Голые по пояс мужчины ещё некоторое время смотрели на меня с

ненавистью, а потом принялись резать землю лезвием и забыли о моём существовании. Я сбросил рюкзак, выпил залпом три таблетки НПВ и взял лопату. Земля не поддавалась, и я сильно отставал ото всех. Через час на ладонях образовались огромные пузыри, правая часть спины онемела. Обтягивающий костюм размок от пота и прилипал к телу, словно мармелад. Через два часа пришли дети с вредной едой. Они принесли кастрюли с вареным картофелем, огурцы, помидоры, хлеб и воду. Все уселись прямо на белую траву и стали с жадностью поглощать еду. Один мальчишка неуверенно подошел ко мне, покосился на Гену, тот молча кивнул, и мальчик поставил передо мной кастрюлю с двумя картофелинами и бутылку воды. Я сидел поодаль и обратил внимание, что ни у кого не было «второго кадыка».

- Эй, - тихо позвал я проходившего мимо мальчика, - как выды.шьте?

- Чего?

«Как вы дышите? Где у вас расположены капсулы?»

Мальчик посмотрел на мой лоб, нахмурил брови и беззвучно шевеля губами, а потом захохотал:

- Нет у нас капсул, мы у природы не воруем. Берем только честно заработанное, - и он ударил себя кулаком в грудь.

Я хотел задать ему ещё несколько вопросов, но мальчик уже перепрыгнул через забор и скрылся среди толпы женщин. Картофель оказался сладковатым и сытным и не был похож на тот, что я получал в холодильнике пару раз в неделю. Я почувствовал прилив сил, и начал копать прежде, чем остальные закончили с обедом. Все смотрели на меня и усмехались, но я не обращал внимания. Через некоторое время я присел на землю, схватившись за ноющий левый бок, и смотрел на вырытую полосу земли. Она, словно невеста, сбросила белую фату, и показала своё лицо. В вырытых кусках я различал перекошенные в ужасе глаза и раскрывшееся рты. Как будто мы доставали скелеты на поверхность, и они трупами разлагались перед глазами. Мы заживо хоронили невесту, чтобы на её могиле выросли семена.

Жара накаливала тело с каждым часом, сухая земля сопротивлялась лезвию. Только в тот день я понял, почему у нас врожденное чувство отвращения к солнечной погоде. К вечеру черенок моей лопаты окрасился красным под кровотокающими мозолями. Комья земли скреблись по белым зубам, застревая в зазорах. Во рту стоял соленый горький привкус. Когда окончательно стемнело, мы отправились в лес в самодельную душевую. Из бутылок с продырявленными пробками текла холодная вода и обжигала распаренное тело. Вены на руках, словно подоженные спичкой, переносили огонь до самого сердца, поддергивая его острой болью. Я закрыл глаза, и из груди по гортани стало выходить это пульсирующее пламя. Капсула разрывалась от напряжения, дергая бешеным пульсом гортань. Кто-то стукнул лопатой по моему левому виску. Сначала одна, две, а затем тысяча лезвий били по голове – сверху, снизу, слева и справа. Последнее, что я почувствовал, как медленно текла тёплая струя крови с макушки вниз, металлический вкус спускался в горло, легкие, пищевод и желудок.

Глава 9

Ручьями растекалась земля, миллионы золотистых звёзд сливались в одну и освещали закрытые веки. Огромное солнце распадалось лучами. Лучи проходили по венам к маленькой дверке в левом углу сердца. Дверка распахнулась, и по жёлтой стреле луча поднималась мерцающая искорка, возвращаясь к небу и звездам. Они цеплялись и кружились, обгоняя друг друга, образуя белое кольцо света. Моя искорка, соединившись с ними, перестала быть цельной. Она расплзлась, она освещала Землю со всех сторон, она видела две стороны Луны одновременно, она не имела конца и начала, она складывалась в тысячу маленьких бесконечностей, взрываясь на миллионы звёзд.

Камнем вышел воздух из моей груди, я открыл глаза, но по-прежнему был везде одновременно. Свет падал косыми языками на землю, на которой

находилось моё тело. Я слышал десятки голосов, которые продолжали провожать мою упавшую звезду на небо. Звуки, не смолкая, перетекли в слова:

Ходит кто-то над рекою,

Ищет кто-то водопою

Мужские, женские и детские голоса растягивали каждую гласную, вытягивая мою звезду выше и выше.

А чёрная река

Больно глубока.

Всё смолкло, и я вернулся в пределы своего тела. Руки и ноги ещё покалывали ушедшие к небу ноты. Они убили, а затем спасли меня.

- Му-зы-ка, - вспомнил я то, чего никогда не знал до этого вечера.

Я лежал недалеко от костра, вокруг которого на бревнах сидели люди из этого странного места.

- По-ю-щий на-род.

Я приподнялся, провел рукой по волосам и стал оглядываться. Одна тонкая спина обернулась. Знакомое детское лицо расплылось в улыбке.

- Выродок очнулся. Солнце-таки не добило его!

Одна за другой спины стали разворачиваться, обнажая чужие лица. Некоторые смотрели враждебно, кто-то с любопытством, один лишь Гена смотрел на меня безразлично.

- Спа-си-бо, - медленно проговорил я.

Даже по лицу Гены проскользнуло удивление.

- Иди сюда, присядь, - сказала сухая спина, на которой жалко болталась ткань пожелтевшей блузки.

Я сел прямо на землю напротив старухи.

«Вы спасли меня своим пением».

- Нет, просто тебя прихватил тепловой удар, это не смертельно.

«Вы великий народ. Почему вас боятся?»

- Поэтому и боятся.

Старуха отвечала медленно и не торопилась с ответом, но нельзя было сказать, чтобы она тщательно подбирала слова. Скорее, она давала им время, прежде чем выпустить их наружу со своих ссохшихся губ. В паузах было слышно, как извивается костёр. Он совсем не был похож на тот, что разводила Геля. Он щёлкал рыжими острыми зубьями, которые с треском сгрызали поленья.

«Почему вы не живете со всеми остальными?»

- Потому что тогда мы умрём.

Кажется, я начал догадываться. Старуха улыбнулась. Она словно читала мои мысли, прежде чем они подсвечивались на моём лбу. Старуха не давала исчерпывающие ответы, и я понял, что задаю вопросы неправильно.

«Когда мы копали, нам почти не встречались упавшие звёзды на пути. Ещё когда мальчишки вели меня в вашу деревню, я заметил, что земля ровная. Почему сюда не попадали звёзды?»

- Не звёзды, а камни из недр земли. Слоёк за слоём летела ошметками почва. Вот и выступили камни, уголь, кости и прочие ископаемые. И добывать ничего не нужно, - она снова засмеялась хрипами, - угольные пласты поднимались наружу и сгорали, смешиваясь с пламенем от взрыва. Огонь был выше сосен, гор и домов. Трупов было столько, что они последний оставшийся кислород забирали с собой, пока разлагались. Должно быть, за свою смерть наказать хотели.

Я представил, как сухая земля поднималась слоями, оголяя недра тела. Лицо у старухи было красное, и казалось, что с него тоже слезла кожа. Жилки стягивали последний оставшийся слой и натягивали лицо, придавая ему выражение напряжённое и немного лукавое.

- А звёзды ихние давно погасли. Эти суки так атмосферу загрязнили, что яд от бомбы расползлся, как дым, до самого космоса. Вот звёзды и повзрывались, оставив после себя миллионы черных дыр. Так что, не по звездам ты ходишь, а по трупам. Вы ступаете по земле ада, вырвавшейся на поверхность. Вот те и вся твоя романтика.

Я не сразу понял, что было особенного в речи старухи. Она говорила не то, что знает, а только то, что думает. Я вспомнил, как Геля рассказывала мне про учителей.

«А ты откуда знаешь?»

- Я, милый, родилась от земли, а не машин. Мне восемьдесят пять лет, и ровно столько же я по земле хожу. А кто не знает свою мать, тот все равно, что не знает самого себя, - она причмокнула ссохшимися бледными губами и хрипло едва слышно то ли закашлялась, то ли засмеялась.

Что-то в моей голове стало пробираться наружу. Как будто голоса прошлых жизней шептались между собой, пытаюсь достигнуть моего слуха.

«Как к тебе обращаться?»

- Меня зовут Анна Соломоновна.

Голоса ещё говорили невнятно, но я уже начинал понимать.

- Да, милый, у меня есть отец, который стал моим сыном. Я узнала, что такое быть ребенком прежде, чем стала взрослой. У меня была возможность жить без пригрустинов, от которых моя мать умерла, когда я ещё была совсем маленькой. Соломон же не мог обойтись без них. Даже когда всё было хорошо, он не верил этому счастью. Ему казалось всё, что он делает, неправильным. Как только отец начинал думать, геном прогрызал его мозги насквозь своими правилами, картами и данными, и только пригрустины могли его успокоить, приглушая клетки мозга. Жизнь для него была чересчур предсказуемой, и это приводило его в отчаяние. Когда же он стал бегуном и ушёл скитаться по лесу, всё поначалу стало для него неизвестным и интересным. Тогда Соломон стал бояться смерти. Даже став подростком, он был твердо уверен, что ему следует страдать до последнего миллилитра кислорода. Но Соломон был особенным, - она улыбнулась и стала всматриваться в темноту, - даже для страданий он придумал особую причину: хотел искупить все грехи человечества, которые убили естественную форму жизни. Он просил прощения у меня до тех пор, пока не стал задыхаться, а затем замолчал навсегда, - старуха помолчала, потеряла глаза и продолжила, но говорила уже не со мной, а словно напоминала

себе о том, что было, пыталась поймать реальность, которая ускользала с её опухших уставших глаз, - у меня было несколько мужей, и все они становились детьми, когда я уже начинала забывать, что такое детство. Они задыхались в то время, как моя кожа на щеках становилась румянее. Только один из них дожил до своего конца. Я качала его на руках и смотрела, как он постепенно исчезал, пока, наконец, не стал скрюченным безжизненным червяком. Его эмбрион я до сих пор в банке храню, - она расправила свою тощую спину и продолжила, - теперь я и сама становлюсь такой же. Мы и вы, в конечном счете, идём к одному. Разница между нами только в том, что голос ребенка не смолкал во мне, и я всю свою сознательную жизнь прожила со знанием простоты мира, а вы узнаете об этом слишком поздно.

- Мама... - тихо произнес Гена.

- Ну-ну, Генка, чего ты, - она замолчала и стала гладить его по голове.

Глаза Гены стали влажными, а губы и руки дрожали. За время нашей экспедиции я не раз видел измученные лица взрослых, которым было невозможно подниматься утром и снова идти к сомнительной цели. Я видел скуку в их глазах, уставших от вида тянувшихся ввысь сосен, камней под ногами и красного неба над головой. Даже у Гели часто был растерянный вид, несмотря на её живость и озорство. Ещё в первые недели экспедиции я понял, что истинное лицо человека можно узнать, подсмотрев, как он просыпается. С утра вся наша группа нехотя открывала глаза, выходила из палаток и оглядывалась вокруг с таким потерянным взглядом, словно каждый вспоминал, что он здесь делает. Это утреннее выражение недоумения не исчезало с их лиц и на протяжении всего дня. Только лишь иногда оно сменялось зачатком возникшего случайно чувства. Когда же в тот вечер я увидел лицо Гены, то понял, о чём говорила Анна Соломоновна.

В тишине было слышно только угасающий треск костра и тихое шмыгание носа Гены. Анна Соломоновна закрыла глаза, закачалась и стала тихонько напевать. Вскоре песню подхватили все остальные, и голоса людей

снова убаюкивали деревню. Я перестал различать слова и вслушивался только в мелодию, которая ручьем раскатывалась по воздуху.

- Ну а ты...

- Женя, - перебил я, не хотел, чтобы меня снова назвали выродком.

Анна Соломоновна коротко засмеялась и снова заговорила:

- Ну что ж, Евгений, что надумал делать теперь, когда знаешь, что не зараженный воздух ещё остался? – она прищурилась и внимательно посмотрела на меня.

Я задумался на некоторое время, после чего, тщательно подбирая слова, ответил: *«Если бы можно было изменить свою судьбу, я бы хотел родиться не тем, кем являюсь. Я узнал от вас то, что уже изменило меня. Но тело свое я изменить не в силах. Я не хочу, чтобы тот, кто знает меня сейчас, увидел, что, в конце концов, от меня останется только жалкое скрюченное тело червя. А если мне суждено задохнуться раньше времени, я хочу, чтобы этот человек мог задохнуться со мной, не проклиная свою жизнь за умение дышать».*

Анна Соломоновна улыбнулась:

- Выходят, тебя, действительно, кто-то будет искать. Что ж, переночуй сегодня с нами, а утром отправляйся к своим, - она уже хотела подняться, когда я осторожно взял её за костлявую руку

«И ещё кое-что. Вы, Анна Соломоновна, уникальный вы народ. Только вот от нас вы почти не отличаетесь. Физическими способностями мы вам, конечно, сильно уступаем, но жизнь у вас не лучше нашей – ходите стадами, как неприкаянные, и живете ради самих себя, чтобы только род свой продолжить, да за воздух хватаетесь, как и мы. Говорите, у нас жизнь предсказуемая? Так я и про вашу всё знаю. Вымрет ваш род, как и наш. И смерти вы также боитесь, поэтому и не высовываетесь - совсем как мы в своих высоких домах. Ещё и отнять жизнь готовы у чужого, чтобы свою продлить. Не хватает вам чего-то. Как и нам...»

Я пристально смотрел на неё, но она только покраснела ещё больше, стряхнула мою руку и, поднявшись, медленно ушла.

Глава 8

Я проснулся рано и, пока ещё никто не вышел из домов, собрался в путь. Кто-то окликнул меня, когда я был уже у самого леса. Это был Гена. Он спокойным шагом двигался ко мне и был в костюме Джорджа, а на плечах висел его рюкзак. Глаза мельтешили. Под ними за ночь надулись два синяка.

- Многие недоумевают, но я видел всё, что ты вчера наговорил или надумал, как это у вас называется, не знаю, - он почесал голову, немного помолчал, словно решался на что-то и, наконец, сказал, - в общем, ты первый с капсулой полного воздуха, кого мама отпустила живым. Она сказала, что больно ты похож на кого-то. На кого не сказала. Но я всё равно приглядывал за тобой ночью, как бы она никого не отправила тебе операцию сделать, - и он провёл рукой по горлу.

Видимо, я поморщился, потому что Гена тут же расправил плечи и продолжил уже привычным холодным тоном:

- Я пойду с тобой.

Теперь моя очередь была удивляться.

«Почему?»

- Это уже не твоё дело. Мне нужно только знать, не читаете ли вы мысли без разрешения?

Я посмотрел на него внимательно и увидел следы крови на закрытом зелёном воротнике. В том месте ткань то и дело поднималась.

«Мысли не читаем, не экстрасенсы».

- Вот и отлично. Пойдем.

Мы шли молча по маршруту. Я значительно отстал из-за того, что потерял полдня, к тому же боль в спине усилилась под весом рюкзака. Гена шёл на небольшом расстоянии от меня и то и дело рассматривал деревья,

травы и небо, пока я успевал только передвигать ногами и изредка бросать на него взгляд. Когда снова под ногами появились камни, я перестал за ним следить и вскоре и вовсе забыл про него. Только когда я остановился, чтобы выпить НПВ, он спросил, что это.

«Все необходимые питательные вещества для организма. Запиваешь водой, и они набухают в желудке. Еду, что достают из-под земли и готовят, нам доставляют только пару раз в неделю. Она хоть и приятная вкус, и выращивают её в наиболее благоприятных районах, много её нельзя есть, говорят, опасно».

Он вскинул брови вверх, достал из рюкзака сырой картофель и принялся его грызть. Мне по-прежнему было интересно, почему он решил отправиться на поиски того, в чем никто из его народа, да и он сам, по крайней мере до прошедшей ночи, не нуждался.

«Разве твоя мать выживет без тебя?»

Он захохотал тяжелым грудным смехом, но тут же закашлялся.

- Мать вчера впервые за долгое время так много говорила. Я и сам ненадолго в эту чушь поверил. Но мужья для неё были только трофеями, с которыми она детей заделывала. Те двое мелких, что тебя привели, тоже её дети. Уж поверь, о ней есть кому позаботиться.

На его красном лбу вздулись вены, он сжал губы, а затем произнес с усмешкой:

- Мне кажется, она ещё жива только потому, что придумала себе важное дело, совсем как дед. Мать хочет, чтобы говорящих больше стало. Верит, что мир прежний вернёт, но при этом боится, как бы мы не задохнулись, как её первые любовники, что с вашей экспедиции поначалу к нам приходили, - Гена помолчал немного, а потом продолжил тихим голосом, - хотя иногда мне кажется, что это всё лишь предлог. И дети ей нужны только для того, чтобы напоминать о её собственном детстве.

Гена замолчал, а у меня уже не было сил ни задавать новых вопросов, ни слушать на них подтвержденные только мыслями ответы. За прошедший день

мне, итак, пришлось услышать немало, и, честно говоря, я уже подустал от человеческих звуков и хотел насладиться жужжанием насекомых и треском шатающихся сосен. Мне хотелось услышать только один голос, чтобы узнать, какой он будет, когда запоет.

Ближе к ночи мы добрались до нашего лагеря. Я увидел знакомый буроватый дым в соснах и остановил Гену.

«Если ты хочешь, чтобы тебя приняли за наших, постарайся придумать правдоподобное объяснение, почему у тебя воротник в крови».

Он смерил меня холодным взглядом, сбросил мою руку с груди и пошёл к нашему костру.

- Не переживай, я давно уже всё продумал.

- И я б на твоём месте не разбрасывал слова. Те остал. Ось...

Он резко развернулся и схватил меня за ворот:

- Только попробуй сказать когда-нибудь, сколько мне осталось жить. Я не желаю стать настоящим выродком, как вы.

Его холодная сталь в глазах накалилась и обжигала ненавистью. Теперь я стряхнул его руки с себя.

«Ты уже им стал».

Из блеклого света костра появлялись знакомые фигуры, мощные плечи Венедикта снова двигались взад и вперёд, а руки, жестикулируя, прорезали пространство на несколько частей. Толстые очки Муси не отрывались от Венедикта, Ева сидела притихшая и казалась ещё меньше и задумчивее. Марк пытался сделать безразличный вид, но украдкой поглядывал на лоб Венедикта. Безымянных и Гели со звонкоголосым видом не было. Палаток тоже стало меньше. Мы уже почти подошли, когда рой огромных стрекоз перерезали нам путь. Гена толкнул меня в спину, и мы приникли к земле, избежав столкновения. Когда щёлканье крыльев смолкло, вдалеке послышался треск деревьев и оглушительный топот. Несколько тысяч ног двигались к нам. Гена вскочил, на ходу схватил огромную ветку, добежал до костра и поджёг её. Он ловко воткнул её в землю перед изумленной группой сидящих, затем повторил

это несколько раз, пока вокруг лагеря не образовался забор из горящих веток. Я спокойно вошел внутрь и присоединился к удивленным взглядам, уставившимися на не запыхавшегося Гену.

«Ты чего нас спалить решил?» - Венедикт поднялся и, задрвав подбородок, уставился на Гену.

- Это многоножки, они ходят только стадами. Если подойдут близко, всех растопчут.

- Откуда тебе это известно?

Я впервые услышал, как говорит Муся. Голос у неё был совсем низкий и мягкий, почти обволакивающий. Она смотрела на Гену с выражением, которого я прежде не видел ни у кого.

- Только вчера на наших глазах одного затоптали эти монстры.

Тут-то все меня и заметили. Я медленно уселся на землю поближе к костру, подставил ладони к огню и произнес:

- Джордж.

- Вашего блондина затоптали за пару секунд. Ничего не осталось.

- Почему вы не воспользовались отпугивателем насекомых?

- А они всегда работают? Что-то стрекозы пролетели в двух метрах от вашего костра и даже не подумали развернуться.

Муся продолжала смотреть на него, но уже улыбаясь. Я не без удовольствия наблюдал за тем, как бледнеет лицо Гены. Венедикт стал расставлять отпугиватели.

«Где Геля?» - спросил я у Марка, воспользовавшись суматохой.

«Тут была со Львом, но пару минут назад куда-то ушли.»

- С кем? – не удержавшись, произнес вслух я.

«С тем, с которым вы взглядами обмениваетесь при любой возможности».

«Мне и в голову не приходило, что у него есть имя».

«А вот он твоё знает».

Я пожал плечами, когда из-за костра появилась Геля со звонкоголосым. Они оба были растрепанные. Глаза у Гели мерцали. Они не сразу заметили Гену и его самодельный забор.

- Чт эт у вас просхдит? – быстро затараторила Геля, - кт эт?

Гена стал объяснять, как давно он стал бегуном и сколько уже прожил в лесу, что знает о нём больше, чем любой геном... человека. Он запинаясь перед этим словом, и я заметил, каких трудов ему стоило сдержаться, чтобы не произнести, по его мнению, более подходящее слово. Мне хотелось поставить палатку поглубже в лесу, но я не решился. Чем ближе становился грохот, тем сильнее я верил в историю Гены о смерти Джорджа. Это было убедительнее, чем то, что произошло на самом деле. Вскоре они показались. Это были порождения Стричёрта. Они поднимали пыль вихрями. Множества ног, которые двигались невпопад, довольно быстро переносили плоское двухметровое тело. Их было около сотни, но они за несколько мгновений обогнули наш разросшийся костёр и скрылись в темноте. Безымянные не вернулись этой ночью.

Утром я увидел, что мой напарник на сегодняшний маршрут – Лев. Он, оказывается, работал со мной в Бизнес-доме, и жил даже на моем этаже, это объясняет, почему мы не пересекались: лестницы разные. Родился в двадцать пять лет, сейчас ему девятнадцать. Пару лет назад он выбрал Гелю, и они стали бегунами.

Солнце уже сделало из моей палатки парник, и я поспешил выйти на улицу. Как только молния спустила красную ткань, показались фиолетовые кудри, два жёлтых глаза, а над ними вопрос: *«Кого ты привёл?»* Видимо, он крутился в голове Муси со вчерашнего вечера, не угасая.

«Значит, это ты распределяешь пары?»

Она блеснула белыми зубами. Гена вышел из палатки Джорджа и едва заметно мне кивнул.

«Никто из наших программистов не может загрузить данные в его голову».

«Мне кажется, у тебя достаточно воздуха, чтобы объяснить ему словами».

Её зрачки сузились, а улыбка скрылась под пухлыми губами.

- Лев может научить тебя многим полезным вещам, если ты захочешь, конечно, - с этими словами она подмигнула и ушла.

Мы прошли со Львом уже половину маршрута, а он ни разу не оторвал взгляда от стрелки оксиметра, которая по-прежнему была на нуле. У меня затекла шея ещё в первые пятнадцать минут, и я стал рассматривать лес. В нём были только сосны и изредка попадались ели. Сначала деревья казались мне одинаковыми, но если приглядеться, всегда находились отличия. У некоторых ветви вытягивались только слева, у других - справа. Какие-то сосны были толстые и прямые, а другие тонким стволом изгибались вокруг себя. С некоторых ещё рассыпались на пыльцу иголки. Остальные тянулись оголенными нервами к красному небу. Парочку деревьев раскололись надвое, на стволе виднелись следы от огромных челюстей. На пеньках и в дырках роились муравьи. Одна сосна повисла в воздухе. Кто-то отгрыз у неё нижнюю часть ствола до самых корней, и внизу маленьким холмиком собралась вырытая земля. Я подошёл поближе и увидел, почему дерево не упало на землю. Рядом с ним стояла тонкая сосна. Её ветви крепко обхватили оставшуюся часть изуродованного насекомыми ствола. Деревянными руками она прижимала к себе мёртвое дерево, не давая ему упасть. Вверху их кроны сплетались, и они обе продолжали тянуться к небу. Одна держалась за землю корнями, другая - за руки первой.

- Вишь как, можно жить и бз собственго источка существования, над тольк найти тго, кт поддержт.

Лев вытянул шею и смотрел на сосны смоляными глазами.

- Ндо передхнуть. Хошь чаю?

Не дождавшись моего ответа, он стал срывать растения и сжимать их в кулаке.

- Те, чт рассыптся, ещё не перердился - отрвлены. Осталны уже прочистись.

Он складывал в карманы целые цветки, а рассыпавшие стряхивал с ладоней. Лев велел мне разжечь костёр. Когда пламя из банки закоптилось, он достал железную кастрюлю, налил туда воды и бросил мятые травы.

- Я пржил в лсу неск лет. Он мгому мя научл.

«Почему ты ушел из Бизнес-дома?»

Он прошептал сквозь ухмылку:

- Ме личн надоли эти ег Бессмыслны-дела.

Лев зачерпнул чашкой почерневшую воду и протянул мне.

- Горяч, остожно.

«Зачем ты пошёл в экспедицию?»

- Птму чт Геля захтела. Ты сина впечатлил её, - он отпил чая и продолжил, - как ток ты становся младым, ты уже не мошь сдержться и начинашь грить, а потм уж не мошь остановться. А когд ты долг гришь, постепенно забывшь, как подсвечть мысл на лбу. Понмашь, как ты пояля, она стла грить горздо боше. Ты убвшь её, дружще. Мне каж, эт и имела в вду Муся, кгда скзала, чт вам незя быть вмсте.

«А вы с ней разве не разговариваете?»

- Нет. Чел, с кторым те хочся погрить, не должн быть с тобой. Пон, о чем я?

Я понимал, потому что не раз спрашивал об этом геном после случая у костра.

«Нет, не понимаю. Выходит, что рядом с тобой всю жизнь должен быть человек, мысли которого тебе не интересны?»

- Чужи мысл – потёмки. Луш туд без необходмсти не лезть. И свои не выстлять. Менше гришь – бошь жившь, как извесн.

Я посмотрел на те две сосны.

«Представь, если бы существовал человек, который растёт не как нормальный, а от молодости к старости. Он может дышать без капсулы и

говорить, сколько угодно. Как в довзрывную эпоху. И встречается тот с нормальным человеком. Они живут вместе и цепляются друг за друга».

Чёрные глаза Льва смотрели на мой лоб с любопытством.

«И что другой ему кислород заменит? Задохнётся на твоих руках, и будешь ты его труп хранить у себя в банке, как консерву. Он же от этого не оживёт».

- К чему клоншь?

Я приблизился к нему и положил руку на его колено.

«А к тому, что выбирать нужно самому и среди своих. Если с человеком тебе помыслить не хочется, то, что тебе его тело? Всё равно что труп в банке с собой носить».

Я пристально смотрел на него, но он, как и старуха, лишь молча потряхнул мою руку.

Глава 7

Весь следующий день мы провели молча и пялились на оксиметр, но стрелка застыла на нуле. Мы пришли на место встречи нашей группы первыми. Венедикт и Гена - вторыми. Гена выглядел возбужденно и дергался почти, как Ева. Венедикт самодовольно чему-то улыбался. Муся пришла с Гелей, а Марк с Евой. Пока Лев разжигал костёр, Геля незаметно подошла ко мне и тихонько шепнула:

- Жужу, завтра мы с тобой идм, - и она, дергаясь, словно раненная бабочка, упорхнула в палатку. Я ещё смотрел ей вслед, когда меня потянул за рукав Гена.

- Поговорить надо.

Он скрылся за копотью разгоравшегося костра. Муся следила за мной своими жёлтыми глазами, пока Лев не сел рядом с ней и не начал что-то тихо говорить. Я пошёл за Геной.

- Завтра ты идёшь с Венедиктом. Ты уже общался с ним? Что о нём тебе известно? Не пойму, что с ним не так, но он не похож на выродка. Он обо всём догадался. Ему можно доверять? - Гена ходил кругами и смотрел под ноги. Я понял, что мои ответы его не интересуют, - у него нет шрама на шее. Но он мыслит, как нормальный человек. Венедикт говорит, что прожил всего четыре года, а как будто все свои пятьдесят семь. Что-то с ним не чисто. Зачем он здесь?

Я осторожно остановил его: *«С чего ты взял, что завтра я иду с ним?»*

Он несколько раз нервно моргнул, словно пытался вспомнить, кто я.

- Он сам мне сказал.

«Ты уверен?»

- Его словам невозможно не верить.

Я отпустил его, и он снова принялся ходить по кругу.

- Присядь. Ты. Тратшь свой воздх понап. Расну.

Он упал на землю и закрыл лицо руками. Пыль из-под него разлеталась кольцами. Я уже хотел вернуться обратно, но Гена опередил меня. Он резко поднялся и быстрым шагом ушёл к костру, добавив только, что завтра я сам всё узнаю.

Утром меня разбудил шум. Голоса кричали, спорили и перебивали друг друга так, что невозможно было различить, кому они принадлежали. Я уже собирался снова заснуть, когда кто-то стал дергать за язычок полы моей палатки. Марк посмотрел на меня испуганными пепельными глазами, а затем хрипло крикнул:

- Здесь!

Голоса смолкли, и шаги неровным топотом приближались ко мне.

«Выходи».

Некоторое время все молча смотрели на меня. Венедикт единственный улыбался.

- Лев пропал, - сказал Венедикт, не отрывая от меня выпученных глаз.

Левая бровь подняла морщины на моём пустом лбу. Сказать мне было нечего.

«Вчера он сказал, что не хочет продолжать экспедицию, но отпустить без Гели мы его не можем, после чего Лев ушёл в свою палатку. Утром она исчезла вместе со Львом. Что произошло позавчера?»

«Он учил меня готовить чай».

Муся сложила руки на груди.

«Из нашей группы пропало четыре человека. По правилам дальше экспедицию мы продолжать не можем».

Тут снова все загалдели, Марк хрипел басом, Геля проглатывала слова, начиная одну фразу и заканчивая другой, совершенно не связанной с предыдущей, даже Ева что-то мычала, размахивая руками. Гена возмущался громче всех. Муся продолжала смотреть на меня. Венедикт молчал. Я собрал палатку, сложил всё в рюкзак и ушёл. Кто-то догнал меня и схватил за рукав. Я, не оборачиваясь, стряхнул эту руку. Я не хотел знать, чьи пальцы впивались в мой локоть, не хотел больше слышать криков, шёпота, песен, баса, сопрано, хрипов и смеха. Мне хотелось забыть то, что уже произошло, хотя, может, я просто знал ещё слишком мало. Но этого оказалось достаточно, чтобы желать стереть последние два месяца из памяти, и просто снова стучать по кнопкам, и видеть звёзды и планеты, которых давно уже нет. Я вслушивался в немоту леса, но слышал чьи-то всхлипы и слова, слова, слова. Слова, рванные, не написанные, не настоящие. Слова, которые живут в своей тональности. Слова, которые говорят не о том, о чём думается. Слова, которые врут, меняют смысл звуками. Звуками, которые забирают жизнь. Я врал старухе, я врал Льву. Я не понимал. Я не знал, что, когда у меня ничего не было, этого было достаточно, чтобы жить. Теперь у меня появились мышцы на ногах, мозоли на руках и боль в спине, и что с ними делать, я не знал. Мы ушли искать воздух, чтобы жизнь продолжалась, но сами только подходили ближе к смерти. Джордж тоже соврал. Он обманул самого себя. Он знал, что ищет. Но смерть нашла его раньше.

- Жу...жу, не бро...сай ме...ня. То...же.

Даже целые слова разрубались спазмами, дрожали и трескались, разбиваясь вдребезги. Она сидела на земле. Её ладони закрывали лоб, глаза и рот, но не прятали звуков. Она задыхалась. По щекам спускались тонкой струей слова, которым не хватило воздуха. Разделенные ладонями они соединялись у подбородка, а оттуда каплями падали на цветы. Я бросился к ней. Мои губы прикоснулись к её маленьким горячим ладоням, к пухлым солёным щекам, к холодной мягкой мочке уха и пытались убить эти звуки, чтобы они никогда больше не появлялись. Её руки схватили меня за шею, а голова упала мне на грудь, где мы и закопали эти звуки, чтобы вместо них родились и выросли новые.

- Прекрасное дитя...

Мы остались в лесу. Геля будила меня по утрам улыбкой и проводила рукой по моему лбу, спускаясь к векам. Она всегда приглаживала мои волосы по диагонали и носом щекотала усы, чтобы смехом уткнуться в грудь. Я хотел научить её петь, но слова только рвали воздух.

«Тебе нужен учитель».

- Мне нужен ты.

Спустя неделю я сказал ей, что хочу дойти до вершины горы. Она посмотрела на меня ушедшим небом, вскинув брови кверху.

«Не чтобы найти чистый воздух. Чтобы дойти до вершины».

Она пожала плечами и засунула волосы под шапку. С того дня пошли дожди. Красные капли обжигали вспотевшую кожу. В один вечер я заметил палатки. Десять штук. На улице никого не было. Гелина спина виднелась вдалеке. Она сидела перед маленькой елью. Я осторожно обошёл отпугиватель насекомых и залез в рюкзак, который кто-то оставил на улице. НПВ лежали сверху. Я взял половину и поспешил к Геле.

- Жужу! Посмотри, у всех такая разная кра и иглки, и лисья!

Она говорила про мягкую кору у больших и твёрдую у маленьких деревьев, про красные иголки, которые потом становятся жёлтыми, потом неизвестного цвета, а потом... Она просила меня не торопиться, говорила, что это важно, и я должен её выслушать, а сама продолжала говорить про цветочки, кусты, пыльцу, листья и деревья.

- Пнимаешь, Жужу! Лес что-т делат, он живй!

- Ты не понимаешь! Убивает! Вот что он делает! – я впервые с такой силой вытянул воздух из гортани. Слова попеременно разлетались, повторяясь, сокращаясь, перебивая: понимаешь-убивает-делает, делает-убивает-пнимаешь, ешь-вае-лае, лае-вае-еешь. Разбежались по лесу и пропали.

Геля молча отвернулась от меня, и я испугался, что снова появятся те старые звуки, которые мы похоронили в моей груди.

- Моя красавица, прости, прости, прости.

Я целовал её в затылок, в шапку, в воротник, зеленую ткань плечей. Она не чувствовала прикосновений моих губ и молча ушла вперёд. Звуки возвращались: кто-то выдергивал гвозди, и сквозь открытую крышку они вырывались из моей груди, щекотали нос, щипали глаза и забирали Гелю. Она расплывалась между деревьями, пока не исчезла.

Я расставил палатку. Я знал, что она придёт. Она не может быть одна. Я был почти уверен, что знал это, хотя геном не говорил, придёт она или нет. Я сидел на упавшей сосне, когда в сумерках медленно зашевелилась тень. Геля села рядом и положила голову на мои колени.

- Жужу, боше никгда не кричи на мя.

Слова убивали быстрее, чем отравленный лес. Тот медленно разбрасывал ядовитые споры. Слова убивали разом – выдохнул, другой вдохнул и мгновенно умер. В тот вечер умерла одна Геля, и вместо неё вернулась другая. Мы молча сидели, пока мрак не скрыл очертания деревьев и наши руки, оставив только вес головы Гели на моих коленях. Только когда мы легли в палатку, Геля снова заговорила.

- Жужу.

- М?

Она смотрела вглубь себя.

- Те уж пясат одн?

- Угу.

- Знач, мы с тоб ровсники.

Я взял её за руки, чтобы она посмотрела на меня.

«Я не люблю, когда ты копаешься в моей карте. Если хочешь что-то узнать обо мне, ты можешь спросить. Я в твою никогда не заглядывал».

Она приложила указательный палец к моим губам.

- Ты пять лет пржил, и я.

Я поцеловал её в девственно чистый лоб.

На следующее утро первым меня разбудил Стричёрт. Он свистом тянул палатку в разные стороны. Ткань шелестела и держалась только под весом наших тел. Геля поджимала носки к пяткам, а колени к животу.

- Прекрасное дитя, - я шепнул в её темные длинные волосы.

Из-под ресниц, как из-за облаков, выглянуло небо, которое я мог увидеть только в этих глазах. Затмением чёрное солнце посередине постепенно скрывало её небо. Мы говорили, пока Стричёрт пробирался внутрь, выл, с треском ударялся о сосны, толкая их в стороны. Он хватал нас, и от его рук оставались красные следы на носу, пальцах и щеках. Мы прижались друг к другу так близко, что чёрное затмение двоилось в глазах.

- Ты не дмал, чт стло с остальными? Марком, Вендиктом, Евой, Мусей, Гной?

- Нет.

- Я всё врмя о них дмаю. И о тех бегнах, чт остась в лсу. Ме страшн, а вдруг с ними что-т случись, как с Джорджем, или теми двумя... Ты не пержвашь?

- Нет.

- Пчму?

«У меня есть ты. Зачем мне думать о ком-то ещё?»

- Джордж ведь тож мог быть у кого-то. Потм.

«Но тогда у него никого не было. Не было того, кто смог бы уберечь его, и того, ради которого он бы хотел жить дальше».

- Мне б хотелось быть для всх. Чтоб никт не умирл, и жил для счастья, а не страдний.

Брови по-прежнему сжимали две маленьких вертикальных складки, и я ждал, когда она продолжит.

- А ес тгда ты был единствнный у нег?

Я вспомнил, что Джордж умер не из-за многоножек.

«Всех невозможно спасти. Я в ответе за тебя, а ты – за меня. Это теперь наша судьба, которую мы выбрали. Джордж был один. Он сам нёс ответственность за свою жизнь, но жизнь перевесила. Теперь это его судьба», - я немного помолчал, вспоминая, как Гена плакал, – *«если бы Джордж не умер, мы бы могли и не лежать здесь вдвоём».*

- И всё-тки хршо был б, чтб у тех, у кого нет никго, были хтя б мы. Пнимаешь?

Из-под тёмных зрачков снова вышла другая Геля. Не та, что стояла передо мной у костра. Не та, что размахивала руками в автобусе и рассказывала о Мусе, Джордже, Марке и Еве. Это была неизвестная мне Геля, которую сложно было понять. Эта Геля была не для меня. Эта Геля была для всех.

Вечером Стричёрт смолк, и мы вышли из палатки. Из тёмного фиолетового неба мимо веток слетали маленькие красные звёздочки. Они таяли, едва прикоснувшись к остывшей, но ещё тёплой земле.

- Снег, - Геля вытянула шею к небу, - эт мой первы снег.

Я посмотрел назад. Лес вытягивался вперёд и сложно было понять, как высоко мы уже забрались. Снега не было не только последние пять лет. Его не было никогда.

«Нам нужно найти место, где можно пожить, если будет слишком холодно».

Спустя два дня мы нашли огромную яму. Она не была похожа на ту, что мы доставали лопатами из-под земли. Это было вытянутое впалое лицо уже мертвой невесты. Но тело было ещё теплым, и мы набрали травы, веток, притоптали щеку с одной стороны так, что невесту перекосило, и легли под деревянной крышей, согревая друг друга зимой, которая не кончалась.

Глава 6

Через три месяца нам не о чём было разговаривать. Через полгода мы перестали будить друг друга улыбками. Через девять месяцев Геля родила ребенка, который задохнулся у неё на руках. Через год она повесилась. Сосна держала её безжизненное посиневшее тело, пока я не избил и не изрезал ствол ножом, и тогда оно под собственным весом упало в яму. Я закопал Гелю под землю и посадил на холме два цветка цветом её глаз.

Она оставила мне пустые пачки от пригрустинов и пятнадцать таблеток НПВ.

Глава 5

Чем выше я поднимался, тем больше становились сугробы. Одежда прилипала к телу, не пропуская холод, а ботинки хрустели снегом. Двигаться и дышать становилось тяжелее, но я шёл быстрее с каждым днём. Я хотел уйти подальше от ямы, в которой Геля похоронила свой голос. Здесь лес не жужжал насекомыми, и в тишине звуки становились громче. Только когда смолк её голос, он заговорил полными словами.

Жужу, а знаешь, как правильно ловить бабочек? Как только она сядет на цветок, подходишь, лицом к солнцу, чтобы тень тебя не выдавала, и двумя руками сжимаешь в кулак так крепко, чтобы она, куда бы не полетела, билась о ладони, но не настолько сильно, чтобы сломать ей крылья. Когда на ладонях останется вся пыльца, можешь их открыть, - и она поднимала кулак к моему

лицу, раскрывая его, как бутон, - и вот она! Крылья целы, но бабочка больше никуда не сможет улететь.

И она смеялась, и с уголков губ слетала её собственная пыльца.

Жужу, если долго смеяться, то лёгким станет щекотно, и они начнут тоже смеяться. Капсула задрожит, и начнешь икать. Если икнешь больше двух раз, надо вспомнить всех, кого ты знаешь. Когда всех перечислишь – икота пройдет. Если же икота не проходит, значит, про кого-то забыл!

И я лежал головой к небу, подпрыгивая на её коленях, перечисляя в хронологическом порядке. Охранник, психолог, девушка с иголками вместо волос, Лев, тонкоголосый, Геля, парень из Аттар-центра, Муся, прорицатели, Джордж, Марк, Ева, Венедикт, безымянные, двое мальчишек, Гена, Анна Соломоновна... А что делать с теми, кого я видел, но не знал?

Вспоминать всех, кого хоть раз видел! Лица, родинку, глаза, хоть что-нибудь!

И я вспоминал обгорелые щеки мальчика с картошкой в руках, густые брови, сидящие в самом конце автобуса, морщины на лбу, наклонившихся над землей женщин, и икота прощала мою ненадежную память и проходила.

Мне хотелось икать, чтобы среди умиряющих звуки снежинок, заговорили голоса тех, кого со мной нет. Но я больше не смеялся. И мне казалось, что я никого никогда не знал. Стричёрт нагонял сугробы мне под ноги. Я шёл по снегу, втапывая ботинки в его тело, оставляя на нем шрамы, которые небо каждый раз зашивало, и просил его, чтобы оно заштопало мою грудь, чтобы тонкий женский голос не вылетал из неё. Но небо не отвечало, а голос говорил.

Жужу, ну это же просто! – и она прыгала вокруг костра, кидала лопухи, и рвала звуками воздух, - просто двигаешься, как хочешь, как хочешь, слышишь? Не левой-правой, а можно левой-левой-правой! Или правой-левой-левой-правой! В любом порядке, пусть ноги двигаются, как хотят, а тело за ними поспеет!

Но мои ноги вообще не хотели двигаться. Они смотрели на меня мозолями сквозь пыльные ботинки и молчали. Она запыхалась и упала мне на грудь

Знаешь, Жужу, слова, мысли – это всё ерунда. Жизнь можно понять только в движении! Вот я танцую и чувствую – так жили раньше! И мне кажется, что время перестало двигаться вперёд и пошло в обратную сторону. И я ступаю по нему, перепрыгивая через камни тысячелетий, а оно уносит меня назад, назад, назад! Голова кружится, воздух застрекает в горле, сердце стучит так громко и медленно, что проваливается вниз и там задерживается, а потом тук-тук-тук, и время обгоняет само себя и снова двигается по часовой стрелке. Но я уже прожила тысячелетия! Понимаешь?

Когда она перестала танцевать, она не хотела больше идти. Она хотела, чтобы у нас был дом. И я приносил цветы, чтобы приготовить чай, а она закапывала их обратно в землю, чтобы по утрам сквозь просветы веток смотреть на них и чтобы эта рана на земле заросла цветами.

Я знаю, что на них можно не только смотреть, но делать с ними что-то ещё.

Чай?

Дурачок! Нет же, что-то ещё.

И она смотрела на них сверху, снизу, прикладывала ко лбу, била себя по лицу так, что на щеках оставалась жёлтая, фиолетовая, красная пыльца, которая слетала с губ, когда она смеялась. Один раз я нашёл цветок с её глазами на лепестках. Я аккуратно вытащил его с корнем и принёс ей.

Это, что же, у меня такого цвета глаза? Как у тебя что ли?

И я снял с её головы шапку, чёрные длинные волосы, вырвавшись на свободу, разлетелись в разные стороны. Я отодвинул рукой прядь со лба и спрятал стебель за её ушком.

Вот что ещё делали с цветами.

Дурачок! Нет же, что-то ещё! – и пыльца слетала с её губ, а глаза лепестками падали вниз, на землю, где она останется навсегда.

К вечеру налегали тени, поднимаясь с пяток, к животу и ползли выше, пока не скрывали лицо полностью. И тогда голос звучал выше, выше сосен над головой и выше неба, которое теперь не двоилось и светило только красными оттенками. Если двигаться, то можно понять, что живой, а когда лежишь, и палатка не бьётся, кажется, что сердце остановилось и нет того, что есть. Осталось только то, что было. И время идёт в обратную сторону, а когда разворачивается по часовой стрелке, то проходит мимо. И я вспоминал, чтобы понять, что было то, чего я не прожил. И голос звучал, хотя тогда я его не слушал.

Жужу, ты опять не слушаешь меня. Я ведь говорила, что мне не нужна больше эта вершина, и воздух этот никому не нужен. Это они нас убить хотели, а себе капсулы забрать. Как Джорджа, как тех двоих и как... - она запнулась и посмотрела на меня, но я не слушал, и она продолжила, - как всех, кто не вернулся. А лес! Он хочет, чтобы мы жили, поэтому он умирает, слетая пыльцой на землю, и рождается заново, чтобы новые деревья росли не отравленными и выдыхали кислород. У некоторых маленьких деревьев иголки не красные, а жёлтые, а у тех, что ещё меньше, – цветом твоих глаз, когда ты злишься. А вокруг нашей ямы я нашла подрост, и у всех - зелёные иголки! Это не лес отравлен, это люди – ядовитые.

Я вспоминал, и голос говорил то, чего не знал, но в чём был уверен, потому что я слышал его и тоже уже не мог сомневаться. Мурашки пробежали по моим рукам и голос стих.

Пока я шёл, то никогда не оборачивался. Кто-то окликнул меня, и это был чужой голос. Он поднимался снизу, догоняя меня по воздуху, и мне пришлось обернуться.

- Эге-ге-гей! Есть кто-нибудь? Помогите!

Из трещины виднелись чьи-то красные, опухшие пальцы.

- Помогите!

Я не хотел никому помогать, и уже двинулся дальше, когда другой, знакомый голос заговорил.

Ты говоришь, что тебе никто не нужен, кроме меня. А если меня не станет, что тогда? Чем я лучше другого человека?

Я хотел сказать, что ни у кого нет таких глаз, в которых и небо, и море, и лепестки, которых я никогда не видел до встречи с ней. Я хотел сказать, что в её голосе поют сосны, а с ресниц и бледных губ осыпается звёздами пыльца. Я хотел сказать, что никто не умеет танцевать так, чтобы не левой-правой, а левой-правой-правой-правой-левой. Я хотел сказать, что за её зрачками столько людей, сколько иголок на соснах. Я хотел сказать, что под её чёрными косами прячутся мысли, которые никто никогда не сможет разгадать. Я хотел сказать, но мне было жалко воздуха, и я устал объяснять, почему мне плевать на других людей, поэтому я включил табличку и высветил пять жалких слов: *«Потому что я тебя люблю»*.

Жужу, в том-то и дело, полюбить можно любого! И всегда найдется за что. Точнее, у каждого человека есть что-то, что делает его лучше остальных. Просто надо дать ему шанс, чтобы узнать, что именно. И ты можешь любить меня сильнее всех, ну, а остальных чуть-чуть поменьше, - и пыльца сыпалась с её глаз, губ и ресниц, наполняя моё ядовитое сердце кислородом.

Я лёг на землю и протянул руки к замерзшим пальцам, они вцепились в меня ледяными иголками, как будто их было не десять, а тысяча. Они впивались в моё тело. Стопы уходили под снег, упираясь в землю, и десятки длинных пальцев растягивали грудь в стороны. Мой торс вытягивался и становился твёрже, пока не показалась голова, спина и ноги. Он смотрел на меня, а я на него. Он не узнавал меня, потому что никто из нас никогда не видел своего отражения, а окно в комнате было слишком мутным, чтобы я мог распознать своё лицо.

- Спасибо, друг! Ты спас меня!

Его впалые щеки проваливались под череп, глаза выкатывались белками наружу, и огромные синяки под ними набухали, как почки на деревьях. Он

говорил, как шёл на вершину, а потом правый ботинок не провалился под снег, а потащил его обратно вниз, и под снегом оказалось ещё ниже.

- Я думал, что всё! Кислорода ещё на пятьдесят лет, обдышись на здоровье, а желудок пустой, руки коченеют, не подняться! У тебя есть, кстати, что?

Я достал из рюкзака НПВ. Его глаза почти вылезли из-под опухших век, и он проговорил с нетерпением, проглатывая звуки:

- Дай три сразу, а то я тут четыре дня торчу.

Он проглотил их прежде, чем я достал бутылку с водой, потом вырвал её из моих рук и жадно всасывал воду из горлышка, пока капли не перестали стекать с его подбородка.

- Вот спасибо! Я уж не думал, что здесь кто-то ещё ходит!

Он начал рассказывать, как здесь оказался, и его голос раскатывался громким басом и казался неприятным потому, что кроме него больше ничего не было слышно. На его шеи затягивался толстый шрам, и я, не слушая, понял, откуда он пришёл.

- Мать у меня чудесная женщина, все ей нравились, но я-то знаю, всех любить всё равно, что никого, сердце оно – во! – и он вытянул кулак и потряс им перед моими глазами, - во какое маленькое!

Он не знал, что в одной груди может быть несколько кулачков. За её зрачками было так много людей, и у каждого билось своё сердце, поэтому у неё всегда находилось место для любого, кто постучится. Этот громкий человек был совсем тощий, и я пытался открыть хотя бы самую маленькую дверку, чтобы туда протиснулись угловатые руки или натянутая на череп кожа, которая держалась на узкой шее, но он не переставал говорить до самого вечера, а утром, когда я вышел из палатки, моего рюкзака не было, и на снегу лежали только её пятнадцать таблеток и впалые буквы: «Прости».

Три дня я шёл и пил воду, потому что она уходила через поры, потому что чем выше я поднимался, тем ближе становилось солнце, но снег обжигал

ботинки, которые всё время были мокрыми и прятали мозоли, которые больше нечем было лечить.

На четвертый день больше некуда было подниматься, и я обернулся.

Всё кажется маленьким, как только отойдёшь подальше. И дома крошечные, и яма не такая большая, и деревья низкие. А небо тут почти, как настоящее. То есть, прошлое.

Тяжело только всё время подниматься, особенно когда воздух давит на уши, и голова начинает кружиться, и деревья становятся тоньше и меньше, и падают на землю зелёными иголками, и даже если стрелка оксиметра поднимается вверх, дышать легче не становится, потому что приходится двигаться, чтобы убедиться, что ты ещё жив.

Подниматься тяжело? – она засмеялась, она всегда отвечала так, как будто слышала только первые пять слов, хотя, может, я больше ничего и не говорил - *нет, Жужу, ты всё время торопишься и потому ошибаешься*, - она до сих пор не знала, что я торопился, чтобы набрать нам НПВ и спрятаться в яме, чтобы никто нас не нашёл, и мы прожили там не одну зиму, а я не знал, что психолог выписал ей пригрустинов на два года вперёд, чтобы она больше не любила никого, иначе все её сердца разом лопнут, не выдержав, но она хотела посмотреть, где пределы её сердца, она не знала, что существует бесконечность, и всегда пересчитывала цветы, которые я приносил, она перестала считать только в тот день, когда выпила таблетки все разом, чтобы не любить тех, кого больше нет, - *обратно идти всегда тяжелее.*

Я упал и закрыл глаза, и всё замолчало. Солнце подсвечивало темноту, а снег обжигал спину, которая больше не болела, потому что тяжесть рюкзака легла на плечи другого. Темнота становилась гуще и падала чужим силуэтом на закрытые веки.

ЧАСТЬ 1

Глава 4

Мы сидели вчетвером в моей комнате, которая казалась ещё меньше после леса, что лестницей спускался вниз с вершины горы, и исчезал у подножия, растягиваясь полями. Ева следила за моими руками, которые щипали усы, а я смотрел на задранный лоб Венедикта.

«Теперь мы знаем, как можно связаться сразу со всем городом, но этого слишком мало. Если удастся растянуть сигнал на все города, тогда от этого будет какой-то толк. Новое мышление должно проникнуть во все разумы разом, иначе от волн разной частоты, голоса зазвучат не единогласно».

- А если начать с программистов? Они-то точно знают, как связаться со всеми, - Гена подтянул очки к переносице, он никак не мог привыкнуть к тому, что без них буквы расплываются, а с ними соскакивают вниз оправой, спускаясь по его тонкому носу.

Венедикт отклонился назад, и Гена незаметно приподнялся на носочках, а я опустил правую щеку на кулак. Ева повернула голову набок и улыбнулась, когда ей удалось перехватить мой взгляд. Венедикт всегда задирает голову слишком высоко, когда думал прежде, чем отдать свои мысли нам. Эта была его любимая сцена, я уже знал, что она могла затянуться надолго, поэтому подмигнул Еве.

«Рискованно. Если не удастся переманить их, тогда они перекроют нам всевозможные каналы связи».

- Кто не рискует, тот не дышит воздухом! – сказал Гена, и Венедикт одобрительно ухмыльнулся.

«Тогда будет Евгений говорить».

Я кивнул. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как они втроём нашли меня на вершине горы, а он всё ещё мне не доверял. Я боялся, что он узнает про таблетки, которые лежали у меня в кармане, как он узнаёт всегда обо всём, словно читал не только подсвеченные мысли, но и другие, спрятанные. Но его мысли тоже не были не проницаемыми, как бы он не старался задирать свой

лоб. Я знал, что он хотел подстраховаться в случае, если план Гены провалится.

«Я знаю, что делать, но мне понадобится помощь Гены».

Венедикт кивнул. Мы пожали друг другу руки, и он, махнув рукой вверх, спустился вниз.

Мы встретились с Мусей в «Аттар-центре». Она совсем не помолодела с нашей последней встречи, и я понял, что не могу даже примерно сказать, сколько ей лет. Неожиданное появление Гены, его быстрота и ловкость до сих пор не давали покоя её переполненному чепухой геному. Из-за этого она и не могла представить себе того, что легко вообразил Венедикт.

- Обследуйте, но только быстро, я темноты боюсь, - сказал Гена прежде, чем томограф скрыл его почти затянувшийся шрам на шее.

- Муся.

Она обернулась, её жёлтые глаза блестели, как солнце в зените. Даже после того, как мы сказали, она не верила, что остались ещё люди, для которых время – не числа и простая трата воздуха, а неизвестная петля, что в любой момент может оборваться.

«Мы свою часть уговора выполнили, теперь твоя очередь».

- Макс!

Парень, что встретил меня, когда я впервые сюда попал, улыбнулся нам.

«Сделай всё, что они попросят, и никому не мысли».

Макс растянул губы ещё шире, и мы оставили Гену наедине с темнотой и жёлтыми глазами Муси.

Я объяснял, что требуется сделать, а Макс всё время кивал и улыбался.

«Сможешь?»

Он кивнул в последний раз и остановился, приложив лоб к стене. Она загорелась красным, исчезнув полон. Макс пропустил нас, и мы увидели панцирь с проводками, а позади огромный монитор с тысячей кнопок. Они все были белого цвета, а по ним разрезами стекались вовнутрь чёрные буквы. Память человека похожа на прозрачную воду, в которую добавляешь дни, как

травы в чай. И если за год насобирать много разных трав, то вода поменяет цвет постепенно, краски смешаются и со временем потеряют прежние оттенки. В эту воду можно кинуть таблетку, и та просто исчезнет. В моей памяти много чего растворилось, но я, глядя на кнопки, сразу вспомнил, что в понедельник всё начинается с аквамариновой треугольной, потом лавандовая прямоугольная, морковная круглая, лимонная ромбовидная... Слова на белых кнопках не напрягали памяти. Я вспомнил, как кто-то говорил мне, что в БД занимаются только бессмысленными делами.

«Садись в кресло, я расширю диапазон канала связи. Немного неприятно, но быстро».

Панцирь прижался к моей голове, обхватил шею и проводками прилип к волосам. Кнопки стучали тем же звуком, что и двадцать лет назад, но, когда они замолчали, меня ударило током, и панцирь выпустил воздух.

Когда мы вышли из центра, Ева держала двумя руками мою ладонь, боясь, что она вздрогнет снова, а Гена выпускал много воздуха, потому что не мог успокоить сердцебиение.

- Муся сказала ни о чём не думать, и это всегда получалось легко, особенно если я копал или смотрел, как земля скрывала солнце. Но там, в темноте не думать было невозможно! Особенно, когда тебя попросили об этом! Все же знают, лучше просить что-то сделать, чем чего-то не сделать, - и он навалился на “не” всей диафрагмой, как будто это “не” могло не выдать его мысли о деревне, окруженной маленькими соснами, Анне Соломоновне и её хриплым голосе, натягивающим морщины на красное лицо, о его братьях, прыгающих по деревьям с луком и стрелами, о земле, которую можно было копать и не отравиться, вытаскивая овощи, об операциях, которые они научились делать, чтобы внедрять в гортань капсулы с воздухом и ходить по отравленному лесу. Он не знал, что люди не умеют читать мысли, но машина может. Он не знал, что скоро его деревня больше не будет петь песни. Он не знал, но всё-таки хрустел пальцами, пододвигал очки к переносице и

продолжал говорить, пока голос не осип, и мы не разошлись по разным лестницам.

На следующий день Венедикт почти не слушал Гену, но не перебивал, а потом выжидающе посмотрел на меня.

«Всё успешно прошито».

Он хотел сдержать улыбку, и уголки губ не дрогнули, но скулы едва заметно стянули глаза.

«Первого числа».

Венедикт любил числа, он приписывал им то, что я в своё время придумывал для разноцветных кнопок. До первого было две недели, и каждое утро мы собирались в тесной комнате, по которой почти не бегали тараканы, и продумывали каждое слово, пока вечер не скрывал наши лбы в темноте.

Глава 3

Ева пригладила мои волосы, которые с самого утра лежали ровной диагональю. Венедикт протянул мне НПВ для храбрости, но потом убрал, решив, что излишняя смелость может только помешать. Гена стучал пальцами по столу, потому что у него было много вопросов, но он боялся задавать их вслух. Стрелка на часах неслышно скользила по Евиной руке, приближаясь к четырём.

Я облокотился руками на подоконник, куда падала тень рассветного солнца. Она соскользнула на пол, когда Венедикт сказал: «Пора».

Я протёр салфеткой лоб, щеки, шею и бросил её на пол. Пригладил волосы рукой и закрыл глаза, чтобы открыть их, когда вся страна проснётся от моего голоса.

Я замолчал, когда стрелка почти дошла до шести. Венедикт смотрел на меня, опустив подбородок на кулак и прикрыв им рот. Гена скрестил пальцы в ладонях так, что над костяшками вздулись вены.

Прошло пятнадцать лет, а зелёные глаза Евы смотрели на меня с таким же выражением, как на вершине горы, когда её силуэт тенью ложился на мои веки, закрывая их от солнца. Ева не умела любить по чуть-чуть. Она любила разом всеми силами, и их хватало только на одного. И Ева отдавала их мне, чтобы я поверил в свои слова, которые услышала вся страна. Она верила, что мир можно исправить словами, даже если в нём почти никто не говорит. Ева знала, что, если мир молчит, значит, он мёртвый, хотя геном не утверждал этого, а ведь машины никогда не ошибаются. Только если в случае с волосами и зрением Муси. Но Ева знала и всегда молчала. Тогда на вершине горы я хотел безмолвия, хотя, на самом деле, искал нужные слова.

- Дальше - только небо. Спускаться всегда тяжелее, чем подниматься, - и я открыл глаза, потому что уже слышал это, и голова Венедикта закрывала солнце, а русые кудри Евы падали на мои плечи, - не хочется возвращаться в маленькую комнату, когда душа стала большой?

Я кивнул. Он протянул мне руку и помог подняться. Венедикт показал мне на крошечный город, который маленькими домами упирался о землю и уходил ниже, туда, куда взгляд не в силах был проникнуть.

«Мы сделаем старый маленький мир таким же большим и прекрасным».

И мы начали делать. Венедикт рассказал мне, что чистого воздуха много, просто он распределяется между «своими» людьми, и пока мы отживаем молча двадцать-пятьдесят лет, кто-то живёт по двести. Он даже знал, в чём проблема, а если причина известна, то её легко исправить – говорил Венедикт, а Гена кивал головой. И сегодня я дергал руками, покрывался потом и срывался на крик, чтобы люди услышали, чтобы люди узнали, чтобы люди поняли. Геля больше не говорила, а Ева не стояла за моей спиной. Был только мой голос и народ, который слушал.

Вечером люди выходили на улицы, а мы запивали НПВ и говорили, что это только начало. Гена обещал приготовить всем жаренного картофеля и

сделать вино, как только всё изменится. «Отменное вино!» - говорил он, улыбаясь самому себе.

- Я раньше пил вино и не понимал, чего в нём такого. Я раньше, в общем-то, жил и не понимал, - говорил Гена, хмелея от воды и мыслей, - а теперь понимаю!

Что Гена понимает, он так и не сказал. Мы стукнулись стаканами и помолчали. Люди продолжали выходить на улицы, растекаясь на асфальте, еле передвигая ногами, и охранник снял свой шлем. Это была девочка лет пятнадцати. Она смотрела вверх и улыбалась.

Я поднялся.

- За новый мир!

- За новый мир! – крикнули все, и даже Ева, и голос у неё был нежный, как розовые ямочки на щеках девочки, смотревшей на небо.

Еве никто не был нужен, кроме меня. Она всегда сидела за моей спиной, пока я расставлял руки на подоконнике и проводил салфеткой по вспотевшему лбу. Она всегда молча смотрела на меня, пока мы говорили с Венедиктом, перебивая друг друга воздухом, который давно перестали экономить. Она ждала меня, когда я уходил на всю ночь, чтобы пожать людям руки, которые приходили из разных городов. Они благодарили меня, потому что теперь они, наконец-то, всё поняли, но никто не говорил, что именно, но я улыбался и забывал, что меня ждала Ева. Даже бегуны возвращались в город. Один раз совсем маленький мальчишка с рыжими кудрями подбежал ко мне и долго тряс мою руку:

- А помните, совсем давн в лесу я отрезл вши длинные волосы, когда вы зацепились ими за ветку и упали со страху в обморок? Эээх, если бы знал, сохранил бы их!

Я похлопал его по плечу и похвалил за свободу мыслей.

- Такие люди нам нужны! Они придумывают то, чего не было, а, значит, они могут придумать новый мир, который будет лучше прежнего! – и люди вокруг нас аплодировали и кричали. Ева смотрела на меня и пыталась

запомнить моё лицо в толпе, потому что тогда она видела меня всё реже. Венедикт всё чаще пропадал «по делам для нового мира». В один из вечеров он пришел с Марком и сказал, что они собирают новую экспедицию.

«Теперь мы будем искать не только чистый воздух, но и тех, кто его распределяет».

На руках Марка вздувались плотно натянутые на кожу мышцы, а сам он стал выше и моложе.

«Мы вернёмся через месяц, а ты продолжай рассказывать людям о том, чего не знает их геном».

Они уже направились к выходу, когда Венедикт развернул свои широкие плечи. Он выждал некоторое время, а затем громко произнес:

- Не забудь, напирай на любовь. Это ключ.

Я кивнул, а дверь закрылась занавесом, забрав мускулистую спину Марка и прямую осанку Венедикта. С того дня мы больше их не видели.

В один из вечеров после моей речи Гена пришёл с Мусей. Он больше не прикидывался хмурым, голос его звучал совсем мягко, а мускулистое тело разошлось вширь. Они с Мусей смотрели на меня закатными лучами солнца с круглых почти одинаковых стекол.

- Ну теперь моя очередь тебя благодарить, - сказала Муся и протянула мне руку, на безымянном пальце которой было кольцо.

Я взял её ладонь двумя руками и искренне поздравил их обоих.

- Как продвигаются дела в центре?

- О, замечательно! Мы сильно продвинулись. Нам удалось найти ещё несколько деревень с кислородом и установить несколько станций воздухопроводов. Мы хотели наладить контакт с землеродами, чтобы изучить их получше, но они оказались чересчур агрессивно настроенными и слишком шустрыми. Нам бы их ловкость и силу... Но, к счастью, у нас есть то, чего у них нет, - Муся улыбнулась, - мы сожгли лес, а дальше машины сделали своё дело.

Солнце спряталось за рамой подоконника, и темнота осветила бледное лицо Гены. Мы молчали, а Муся, склонив голову, смотрела на уползающего под кровать таракана.

- Странный всё-таки народ. Макс рассказывал, что один парень обнял ель и не двигался. Макс несколько раз предупредил, что его сожгут заживо, если он не уйдёт, а он только закрыл глаза и всё шептал что-то без остановки.

Я рассказал им про Венедикта, чтобы заполнить чем-то тишину, и Муся рассмеялась белыми зубами.

- Глупый! Я пыталась его отговорить и объяснить, что затея бессмысленная. Но его разве переубедишь! Никто из людей давно не распределяет ничего, всё делают машины.

- Выходит, мы зря всё это затеяли?

Муся посмотрела на меня, вскинув брови вверх, а затем снова улыбнулась полумесяцем.

- Женя, ты дал людям гораздо больше, чем воздух, - и она посмотрела на Гену, по бледному лбу которого пробежали мысли. Их по-прежнему не было видно: как бы сильно Муся не старалась, в центре так и не нашли способа внедрить таблички на лоб землеродов. Но, глядя тогда на Гену, я был уверен, что он тщетно пытался что-то вспомнить.

Глава 2

Была война, но о ней все знали. Не знали только, что она начнётся из-за нас. Мы дали людям слова, а они приняли их за оружие. Люди начали любить, и тогда захотели убивать. Сначала отнимали капсулы только у стариков, а потом принимались за всех подряд. Они хотели, чтобы их близкие говорили. Никто не останавливал их, и люди продолжали умирать, потому что хотели жить.

Я оказался среди тех, кто не погиб во время военных действий. Я держал Еву за руку и говорил, а она слушала, потому что воздуха было много и больше

говорить было некому. Отражения окон вспыхивали красным светом не только, когда солнце было у земли, и вскоре улицы снова опустели.

Вокруг наших домов почти не осталось сосен, а когда Стричёрт особенно злился, пепел залетал через окно с вершины горы, но никто тогда ещё не чувствовал запах гари.

Глава 1

Осталось пятнадцать минут, и она лежала со мной, держа одной рукой таблетки, другой – меня, а её глаза смотрели на часы. Мы засыпали рядом, но всегда просыпались далеко от друг от друга. Она хотела, чтобы в последний раз сны больше не разделяли нас. Чтобы минутная стрелка застыла на её запястье вместе с пульсом, который нитями держал нашу жизнь. Стрелка ползла, замыкая первый круг.

Четырнадцать.

Тепло проходит через Вселенную и дотягивается до моих пяток. Мне не щекотно, но я ещё помню, как это, когда смешно и больно одновременно.

Тринадцать.

Моя память обожжена, но ещё не обуглилась. Сквозь серые неровные импульсы расплывается, как у близорукого, сосны, горы, дома и пыль, скручиваясь радугой вокруг солнца.

Двенадцать.

Я не болен, но меня уже не излечишь. У меня нет тела. Моё тело – это Вселенная. Оно проходит через потолки серого дома, поднимается выше белой горы, красных облаков, жёлтого солнца и взрывается чёрной дырой.

Одиннадцать.

Я – Смерть. Я – Жизнь. Во мне - все прошлые жизни, во мне - все будущие жизни. Они говорят, что я не могу распознать себя, отделить от мира, потому что не понимают, что я – везде.

Десять.

Я не умею говорить, но знаю язык Вселенной. Я не принадлежу обществу. Я не принадлежу себе. В этом моя свобода и сила, в этом моя беспомощность.

Девять.

Я могу дотронуться рукой до радуги, когда прикасаюсь к земле. Я могу дотянуться до облаков, когда стою под дождём. Мне не нужны крылья, чтобы летать. Моё сердце – сердце птицы.

Восемь.

Мне не нужно быть солнцем, чтобы светить. Моя температура тела и так всегда выше нуля. Мне не нужно быть морем, чтобы утешать. Мое тело состоит из воды. Мне не нужно быть горой, чтобы прикоснуться к небу. У меня для этого есть крылья.

Семь.

В моём мире нет цветов, и мне не нужно отличать белое от чёрного. Но здесь круглый год растут цветы, и запах приятно щекочет нос.

Шесть.

Людей связывает только одно – слова. Моя связь намного прочнее. Ей не нужны звуки для того, чтобы слышать. Ей не нужны буквы для того, чтобы видеть. Ей не нужны числа для того, чтобы привлечь кого-то. Люди становятся младенцами и только тогда начинают понимать. И истина молчит.

Пять.

Я знаю, что обречен. Они не простят мне этого. Они убьют меня.

Четыре.

Время начинало разворачиваться. Я уже чувствовал, как оно дышит мне в спину и говорит: *«Ничего не было. Всё только начинается»*. И давало ещё один шанс.

Три. Два. Выдох.

Мою жизнь перерезали пуповиной.

Заключение

В данной работе в соответствии с поставленными задачами, мы рассмотрели основные проблемы современной антиутопии, в самостоятельно написанной повести «Без пятнадцати начало» использовались возможные пути решения выявленных проблем.

В данной работе имеется введение, две главы, заключение, списки художественной и научной использованной литературы.

Первая глава – теоретическая. В ней мы дали определение антиутопии, рассмотрели причины её появления и эволюции в истории, разобрали основные характеристики этого жанра, опираясь на исследователей. Также нами были проанализированы основные проблемы, с которыми сталкивается современная литература в жанре антиутопии, рассмотрели роман Т. Толстой «Кысь» и виды антиутопии в соответствии с технологическими революциями.

Далее был проведен анализ самостоятельно написанного произведения, определены основные мотивы и задачи, исследован сюжет, мир повести «Без пятнадцати начало». Также были отмечены характерные антиутопические черты произведения, его основная проблематика.

Вторая глава содержит самостоятельно написанное произведение – повесть «Без пятнадцати начало».

Список использованной художественной литературы

1. Атгар, Фарид ад-Дин Мухаммад. Логика птиц. Пер. с персидского. М.: Номос, 2009 – 311 с.
2. Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf [дата обращения: 06.05.2023]. https://www.planeta.one/bible/n.htm#ЕВАНГЕЛИЕ_ОТ_МАТФЕЯ
3. Кастанеда, К. Путешествие в Икстлан. Перев. с англ. - К: «София», 2003. – 201 с.
4. Славникова, О.А. 2017: Роман. – М.: Вагриус, 2008. – 544 с.
5. Старобинец, А. А. Живущий. – Москва, АСТ, 2011. – 320 с.
6. Толстая, Т.Н. Кысь. – Москва, АСТ, 2021. – 280 с

Список использованной научной литературы

1. Араб-Оглы, Э. А. Утопия. / Философский энциклопедический словарь; под ред. Л.Ф. Ильичёва и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с. С. 710 – 711.
2. Баталов, Э. Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопич. сознании и утопич. экспериментах. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
3. Быстрова, О. В. Русская литературная антиутопия 20-х годов XX века: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 1996. – 18 с.
4. Воробьева, А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. – Самара, 2009. – 528 с.
5. Гройс, Б. Е. По ту сторону утопии и антиутопии // Беседа. – 1985. – №3.
6. Денисов, С. Ф., Денисова, Л. В. Художественные антиутопии: типология и философско-антропологические смыслы // Вестник ЧелГУ. 2017. №7 (403).
7. Жаданов, Ю. А. Актуальные проблемы изучения современной антиутопии: женское видение возможного будущего человечества // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2011. №3.
8. Лазаренко, О.В. Русская литературная антиутопия 1900-х – первой половины 1930-х годов: проблемы жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 1997. – 20 с.
9. Лазаренко, О. В. Проблема реальности в антиутопии // Филологические записки. – Воронеж, 1999. – Вып. 13.
10. Ланин, Б.А. / Антиутопия // Литература. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». – 1996. - № 7. С. 13.
11. Ланин, Б. А. Антиутопический дискурс в современной русской прозе // Национальный гений и пути русской культуры: Пушкин, Платонов, Набоков в конце XX века. – Омск, 2000. – Вып. 2.

12. Ланин, Б.А. Анатомия литературной антиутопии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf [дата обращения: 15.04.2023].
13. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия: Монография. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 199 с.
14. Ланин, Б.А. Русская литературная антиутопия XX в.: автореф. дис. д-ра фил. наук. – М., 1993. – 21 с.
15. Ланин, Б.А. Жизнь в антиутопии: государство или семья? [Электронный ресурс] // Обществ. науки и современность. – 1995. – № 3. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/383/250/1218/014Lanin2.pdf> [дата обращения: 02.04.2023].
16. Липовецкий М. Н. След Кыси // Искусство кино. – 2001. – № 2
17. Любимова, А.Ф. Время и пространство в антиутопии // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX-XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: изд-во ПГУ, 1993. – С. 66-76.
18. Малышевский, А. Ф. Философско-терминологический словарь – Калуга: «Гриф», 2004. - 330 с.
19. Маркова, Т. Н. Проза конца XX века (динамика стилей и жанров) / Т. Н. Маркова. — Чел., 2003
20. Морсон, Г. С. Границы жанра. Антиутопия как пародийный жанр [Электронный ресурс] // Утопия и утопическое мышление. – М.: Издательство Прогресс, 1991. – Режим доступа: <http://chalikova.ru/gmorson-graniczyi-zhanra.html> [дата обращения: 12.05.2023]
21. Николенко, О. Н. Современная антиутопия. – Харьков: Харьк. гос. пед. университет, 1996. – 98 с.
22. Петруччани, А. Вымысел и поучение: Утопия как литературный жанр//Социокультурные утопии XX века: Реф. сб./АН СССР, ИНИОН. М., 1987. Вып. 4. С. 178.

23. Романов, С. С. Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е.И. Замятина в становление жанра антиутопии: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 1998. – 20 с.
24. Тимофеева, А. Н. Антиутопия: об истоках и возникновении жанра // Вопросы современной лингвистики и литературоведения. – 1993.
25. Толстая, Т. Н. Опыт взаимной глухоты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.susi.ru/stol/tolstaya.html> [дата обращения: 20.04.2023].
26. Чаликова, В. А. Утопия и утопическое мышление // Антология зарубежной литературы. – М.: Прогресс, 1991. – 409 с.
27. Чанцев, А. В. Фабрика антиутопий // НЛО. – 2007. – № 86. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/> [дата обращения: 26.04.2023]
28. Шишкина, С. Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра [Электронный ресурс] // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. – 2007. – № 2. – Режим доступа: <http://main.isuct.ru/files/publ/vgf/2007/02/199.htm> [дата обращения: 26.02.2023]
29. Юрьева, Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 319 с.
30. Философский словарь (ФИ) / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1980. – 445 с.
31. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НКП «Интелвак», 2001. – 1600 с.